

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Уніонъ"
состоится

Концертъ Мариі Ивановны Долиной

Анонсъ.

состоится

только

однѣ Концертъ

въ залѣ новой биржи

въ улицѣ, номерѣ 6 строеніи

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (114)

декабрь 2020 г.

Он просто ушёл. В бессмертие

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

6 ноября не стало Михаила Жванецкого. Суббота, 7 ноября, была объявлена в Одессе днем траура, в связи со смертью Почетного гражданина города, народного артиста Украины, президента Всемирного клуба одесситов – писателя-сатирика Михаила Михайловича Жванецкого. Соответствующее распоряжение подписал мэр Одессы. В память о выдающемся одессите на зданиях его родного города были приспущены флаги с траурными лентами. И это в день 30-летия ВКО, им учрежденного.

Жванецкий был не просто выдающимся писателем, классиком литературы. Он был выразителем времени, камертоном состояния общества, символом эпохи. Нам еще предстоит осмыслить масштаб этой потери.

Жванецкий учил смотреть на жизнь, даже на самые сложные и тяжелые ее стороны, с юмором, с мудростью, иронично и легко. Он помогал пережить нам все тяготы и несправедливости жизни. Он говорил о нас и о себе.

В поисках ответа на любой жизненный вопрос открываешь книгу Жванецкого. И

в любых жизненных ситуациях находишь там глубокий, по-настоящему ценный ответ, очень мудрый и самый точный.

Каждое время имеет своего писателя, способного иронично его осмыслить. Чехов, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Зошенко. Наше время – это Михаил Жванецкий. Имя писателя в одном ряду с именами великих одесситов – Бабеля, Ильфа и Петрова, Олеши, Катаева... Нам же остается помнить. Беречь Его наследие. И гордиться, что мы были Его современниками.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

✉ Як казав Михайло Жванецький, нічого страшного, якщо над тобою сміються. Значно гірше, коли над тобою плачуть. Сьогодні такий гіркий день. Співчуття всім, хто його любив і знав. Я – серед палких шанувальників сили думки Михайла Михайловича. Його сатира стала для багатьох мудрістю.

Володимир Зеленський

✉ Не стало Михаила Жванецкого. В это сложно поверить, ведь есть люди-символы, которые, кажется, были и будут всегда. Которых мы знаем с детства, взрослеем, впитывая их мудрость. Люди-эпохи, оставившие после себя бессмертное творческое наследие.

И Михаил Жванецкий, безусловно, один из них. Его имя золотыми буквами навеки вписано в историю Одессы и увековечено в названии бульвара в самом сердце города, по которому он все-таки успел прогуляться...

Глубокие и искренние соболезнования родным и близким Михаила Жванецкого, а также всем одесситам во всех уголках земного шара.

Одесса скорбит.

Вечная память нашей Легенде.

Геннадий Труханов.

✉ Клуб мурманских одесситов «Белая Акация» глубоко скорбит со всеми, кто любит и понимает тёплый и добрый юмор, подаренный талантом Михаила Михайловича Жванецкого.

Эрика Литвинова.

✉ Долгий и тяжёлый день... душа плачет. Михаил Михайлович Жванецкий. Президент, писатель, сатирик, мудрец, философ, друг. Казалось, что Он будет с нами всегда. Писал, что «всегда неподалеку»! Сегодня юбилей ВКО. Нам 30! Михаил Михайлович его создал, открыл, объединил, объяснил и... оставил нас, повзрослевших на 30 лет, тихо ушел.

Эпоха Жванецкого закончилась. Больно... пусто. Одесса скорбит...Всемирный в трауре и все филиалы...слова пустыми кажутся, но отвечать на звонки и посты нужно... я принимаю здесь соболезнования не только от одесситов, а от людей незанятых, но чувствующих боль нашей потери как свою...

От Ванкуверского клуба одесситов мы выражаем соболезнование семье и... всем нам. Благодарю за то, что Вы, Михаил Михайлович, наблюдали за нами, но со стороны, учили, но без настойчивости, высмеивали, но любя, советовали мудро, хотя знали, что «мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один» и «все идет хорошо, только мимо».

Да, «жизнь коротка. И надо уметь...» Что? Как? Покажет время...

Светлая память Вам, дорогой наш Человек... пока мы, впитавшие сердцем Вашу «науку», здесь, то эта память – Вечная.

Татьяна Стафеева,
Землячество одесситов Ванкувера, Канада.

✉ Дорогие одесситы, не стало нашего дорогого человека – Михал Михальча Жванецкого. Глубочайшие слова соболезнования всем нам. Пишу это письмо, как поддержку – мы все не одиноки в своей горе. Написала сегодня те слова, которые нашлись. Но самые главные слова вспомните вы сами – каждый для себя. Ведь у каждого из вас свой, глубоко личный, Жванецкий.

...Он вообще обо всем сказал. Нужно только переслушивать, пересматривать, перечитывать. Если не понимаешь, заучивать наизусть. Поймешь потом. Если повезет. Пьем и плачем. Вспоминаем и улыбаемся. Михальч...

Светлая память.

Сусанна Альперина,
Клуб одесситов Москвы.

✉ С глубокой скорбью воспринял уход большого писателя и благородного человека Михаила Михайловича Жванецкого. Ушел из жизни друг нашего маленького театра. Он всегда был к нам ласков. Каждое его посещение было для нас – праздник, радость и подарок. Мы его никогда не забудем. Он останется навсегда среди друзей нашего театра. Царство ему небесное.

Резо Габриадзе,
сценарист, драматург, художник, скульптор, режиссёр (Грузия).

✉ Дорогие друзья! Сегодня пришла печальная новость. Ушел из жизни наш земляк, замечательный человек, писатель-сатирик, Президент Всемирного клуба одесситов Михаил Жванецкий. Для всех это невосполнимая утрата. Берлинский клуб одесситов им.Юрия Курильского выражает глубокое соболезнование всем родным, близким, друзьям, и всем одесситам по поводу тяжелой утраты.

Память о Михаиле Жванецком навсегда останется в наших сердцах.

София Кутевич,
Берлинский филиал
Всемирного клуба одесситов.

✉ Подлинное значение писателя Михаила Жванецкого еще предстоит оценивать – и не нашему поколению.

Нам – горевать об утрате, понимая, что наше горе – лишь малая и несравнимая часть Вашего.

Волей случая (помня о Вашем пребывании здесь) нам звонит Австралия, говорящая по-русски, и выражает свое горе и печаль по поводу Мишиного ухода.

Утешаться приходится лишь тем, что Михаил Жванецкий ушел прямоком в историю русской литературы, в ее лучшую и достойнейшую часть.

Эда и Юрий Михайлики.
Сидней.

✉ Ушел Михал Михальч Жванецкий... Наверное, нужно хлопать, как провожают великих артистов – аплодисментами. Есть такая традиция. Сквозь слезы.

Моряк, ну, портовик, – для моряков. Вряд ли писатель – для писателей. А на самом деле – последний классик великой русской литературы. Даже не южно-русской её школы, а всей. Органичный продолжатель дела Бабеля, Олеши, Катаева, Ильфа, Петрова, Багрицкого, Кирсанова, Славина. Но и Паустовского, но и Куприна. Да, и поэтов, и драматургов. Потому, что выразить всё, да ещё и минимумом слов, – это нужно было уметь.

Для одесситов он – Одессит! «Полномочный представитель Одессы в Москве», как ранее был Леонид Утёсов. А знаете, что есть неуловимо общее у Жванецкого и Утёсова? Отсутствие однофамильцев!.. Не замечали?

А для нас, оленинградившихся, он – такой как мы. «Нужно закончить Одессу, поступить в Ленинград...» Собственно, так мы и сделали на этой дороге. Не свернули на юг (сами знаете куда), не понесли на запад (сами знаете куда). И только потом – опять не свернули на юг. В Москву.

Поэтому есть Питер Ахматовой, есть Питер Жванецкого. Красносельский район, проспект Ветеранов, Ульянка, улица Стойкости, улица Солдата Корзуна, проспект Народного Ополчения... а также – весь блистающий Петербург-Петроград-Ленинград с театрами, музеями и дворцами. И огромной, на всю жизнь, прививкой вкуса и такта...

И Всемирный клуб одесситов с его, нашим филиалом. Почетным Президентом которого (филиала) он тоже является. И резидентом, ибо лично был, вскоре после нашего открытия, и благословил. Как и благословил, также лично, на наше пятилетие. Разумеется, эта должность остаётся за ним – навсегда. Страшное слово «навсегда» уже прилично.

Александр Кириченко
Клуб одесситов Санкт-Петербурга

✉ Михаил Жванецкий – олицетворение Одессы! Глыба, бесспорный литературный гений, сатирик, философ и классик им же изобретенного юмористического жанра – рваный лаконизм.

Как он сам говорил, – «Юмор – это не шутки. Это не слова... Юмор – это состояние, он как жизнь, быстротечен и уникален. Только один раз так можно сказать. Один раз можно ужать истину до размеров формулы, а формулу – до размеров остроты».

Каждое лето мы встречались с Михал Михальчем, когда он приезжал в Одессу, для того, чтоб отдохнуть от суеты гастролей и вдохновиться родным городом для новых произведений, которые он всегда сначала читал нам в узком кругу клуба. Проверял реакцию на своих.

Для меня Жванецкий был, есть и навсегда останется личным кумиром, а его произведения лакмусовой бумажкой для определения чувства юмора и качества ума.

Покойся с миром, Михал Михальч! Все одесситы, размазанные тонким слоем по поверхности Земли скорбят по Вам!

Иван Липтуга,
член Президентского
Совета Всемирного клуба
одесситов.

✉ Согласиться с его уходом безумно тяжело. Помню и дорожку каждым мгновением, проведенным с ним. Он есть и будет всегда с нами.

Ушел гений.

А мы будем перечитывать, пересматривать, вспоминать.

Набираться ума-разума. Его у Михаила Жванецкого хватит на всех.

Гарри Волк,
Землячество
одесситов,
Австралия.

✉ Жванецкий. Острое чувство сиротства сейчас – и затопляющая благодарность. Сколько счастья нам было от его речи!

Он был гений и исполнил свое предназначение великолепно. Мы состоим из его юмора, ума, нежности. Многие миллионы людей... Какое счастье, что он был.

Виктор
Шендерович,
писатель, сатирик,
журналист.

Он просто ушёл. В бессмертие

Евгений Голубовский, журналист, вице-президент ВКО:

Ушел гениальный писатель, выразивший мысли, настроения поколения. Он был камертоном, по которому сверяли не только мысли, но и поступки.

Я много писал о книгах Жванецкого, о самом Мише при его жизни. Он это читал. Для него это было важным.

Вот текст, написанный мной в марте этого года:

«Голосом Высоцкого пела, вырываясь из рабства, страна.

Голосом Жванецкого разговаривала, учась преодолевать страх.

Это была Гласность до Гласности.

Окуджава, Жванецкий, Высоцкий подготовили Перестройку.

Думается, именно они разбудили Михаила Сергеевича Горбачева.

Жванецкий не бы-

тописатель действительности, он, как когда-то Зоценко, весь в отношении к этой действительности.

У многих писателей смысл только в словах.

У Жванецкого ос-

мыслена пауза. Ритм его прозы – это наше дыхание.

Говорить, а значит, и писать, Жванецкий

учился у великих предшественников – Бабеля, Ильфа и Петрова,

но одновременно у самой Одессы, у себя во дворе – в двух шагах от Привоза, у себя в порту – в двух шагах от моря.

Моя Одесса – это не только название его книги. Это признание в

любви, это пронесенное сквозь жизнь чувство принадлежности к своему городу.

Сегодня Жванецкий – это название бульвара в Одессе, это название коньяка, выпущенного в Одессе, но не подумайте, что это застывший в бронзе монумент. Жванецкий – это очень ранимый, очень тонко чувствующий человек.

Как долго он переживал, что ему не хватает дыхания написание романа.

Как долго он переживал, что его юмор плохо переводится на другие языки....

Вы думаете, он уже осознал, что он гений?

Ошибаетесь, каждый новый текст он произносит впервые, как на экзамене.

Никакой самоуверенности и самодоволь-

ства, вечная неудовлетворенность.

И именно из нее и рождаются гениальные строки, гениальные тексты, его жизнеощущение, которое не подводит его никогда.

Новый год, 2020-ый, он отмечал в Одессе. Ощущал притяжение Одессы и одесситов, а ведь и в этом – источник его творческой энергии.

Всё ли сказал? Далеко не всё. Рядом была вершина, к которой нужно было тянуться. И рядом был человек, нежный, заботливый, сомневающийся, всё понимающий, который и сам нуждался в защите.

Как там в стихах – «смежили очи гении, нету их, и всё разрешено»... Надеюсь, что не так. Не разрешено. Жванецкий всё видит...

Елена Каракина, ученый секретарь Одесского литературного музея:

Ушёл Мих. Мих. Ушёл, сначала со сцены, теперь ушёл навсегда. Жизнь прожита так, что миллионы могут позавидовать. И не надо заводить шарманку «безвременно, безвременно» (ах, как мы хотали, как я люблю эту миниатюру!), потому что возраст, в общем-то, смертный. Остались тысячи телевизионных записей, вышло собрание сочинений, десятки книг на разных языках («Речные омары» – как мы смеялись!). Голос Одессы, голос Жванецкого не умолк с его смертью.

Но отчего ж подкосились ноги, задрожало сердце, когда сказали: «Жванецкий умер»? Гений, так точно определявший время, уходит всегда некстати. Безвременно.

Будем ли мы так же смеяться, хохотать, плакать от смеха без Вас, Михаил Михайлович?

«Вот слова Исаака Бабеля: «...Багрицкий, плотояднейший из фламандцев. Он пахнет, как скумбрия, только что изжаренная моей матерью на подсолнечном масле. Он пахнет, как уха из бычков, которую на прибрежном ароматическом песку варят малофонтанские рыбаки в двенадцатом часу июльского неудержимого дня. Багрицкий полон пурпурной влаги, как арбуз, который когда-то в юности мы разбивали с ним о тумбы в Практической гавани у пароходов, поставленных на близкую Александрийскую линию».

Замените Багрицкий на Жванецкий – и что изменится? Что изменится, кроме того,

что в юности Жванецкий разбивал арбузы не с Бабелем, а с кем-то другим. Тоже близким ему по духу и одесской крови.

«Но Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Ойстрах, Гилельс – все мои родственники», – пишет Жванецкий. И это не голословное утверждение. Ему, ай-яй-яй, отверженцу одесского СП, ему, буквально выдвинутому из Одессы администрацией семидесятых, выпало на долю воплотить в слове, в конце-концов напечатанном, все свойства и качества «Юго-Запада». И «преобладание описания над повествованием», и автобиографичность, импрессионизм и неожиданность метафор. Не слишком опираясь на литературных предшественников, но воссоздавая город словами, он поступает точь-в-точь, как они. Язывательная ирония Ильфа и Петрова, библейская глобальность Бабеля, диалогическая многозначительность Славина, плотоядность Багрицкого, радостное удивление детали Олеси, философская глубина в сочетании и сцеплении немногих слов, афористичность, свойственная всем «юго-западникам», любовь к Одессе, равная любви Жаботинского, – все это в монологах, скетчах, репризах и сценках Михаила Жванецкого. И все это современно до злободневности, и вечно, как вечны пляж, море, лето и загорелые длинноногие девушки. Как вечен поиск смысла жизни и познание бытия. Как вечно искусство».

«По следам Юго-Запада»/.

Феликс Кохрихт, журналист, редактор альманаха

«Дерибасовская-Ришельевская»:

ЖИЗНЬ КОРОТКА... Так начинается монолог Михаила Жванецкого, открывающий 82-й номер нашего альманаха «Дерибасовская-Ришельевская», увидевший свет ко Дню рождения Одессы.

Мы знали, что он очень болен, и поэтому каждый его подарок редакции и читателям ожидался с нетерпением. Миша ни разу нас не подвел – больше года земляки, рассеянные по миру, читали то, что он написал за одесское лето и с нескрываемым волнением в сентябре доверял нам, сбравшимся в недрах Всемирного клуба одесситов....

Почему Жванецкий предназначил для предпоследней встречи с нами именно это свое откровенное размышление? Писатели его масштаба и чуйки безошибочно определяют сроки и стараются успеть...

Вот несколько его не заповедей, а дружеских советов тем, кому придется идти дальше:

«Жизнь коротка. И надо уметь.

Надо уметь уходить с плохого фильма. Бросать плохую книгу. Уходить от плохого человека.

Лучше посмотреть на огонь, на ребенка, на женщину, на ребенка.

.....

Жизнь коротка,

Что-то откроется само».

Сейчас готовится к печати 83-й номер альманаха, который по традиции открывается его монологом. О чем он и о ком? Мы знаем это, но уверен, что уже сегодня знакомые слова сложатся по-своему, по-иному, как и те, которые вы и мы только что прочитали про себя...

Ефим Ярошевский, писатель, поэт:

Памяти Мастера...

...ПОЧЕМУ-ТО почти все СМИ упорно называют Михаила Жванецкого «сатириком», только сатириком, безмерно сужая и обедняя значимость этого несомненно гениального человека, большого и блистательно-художника и Артиста! Почему??

Михаил Михайлович Жванецкий на самом деле – великий Артист, умнейший и блистательный шоумен, великий говорун, поэт и большой писатель, выдающийся общественный деятель, да-да, он стал им! Юморист и трагик, насмешник и мудрец – и просто родной, близкий, тёплый и печальный человек из Одессы и Украины, вобравший в себя астральное солнце этого города, соль моря и жизни, и этот степной воздух, которым вполне можно больше восьмидесяти лет и дольше! – всласть дышать, вбирая в себя (и тут же отдавая!) и смех, и юмор, и печаль этого уникального пересечения. Человек, ставший давно Гением этого места...

А по сравнению с этим всё «прочее» кажется таким незначительным, сереньким и неважным! ... И так нелепо и странно, что и такой человек может вдруг умереть...!? Перестать перемещаться по земле и так прекрасно, так неостановимо, на радость всему миру работать!!!

... Это так странно. И до сих пор меня это всё удивляет и удивляет.

А завтра Одесса спустит флаги.....

Он просто ушёл. В бессмертие

Валерий Хаит, вице-президент Всемирного клуба

ОДЕССИТОВ:

Одно чувство и одно слово: ОСИРОТЕЛИ...

...Если за всю свою жизнь Михал Михалыч кому-то и служил, то только своему таланту. И талант ему за это платил сторицей.

Это именно талант за него писал, говорил, выступал на сцене, прославлял жизнь, дерзил сильным мира сего, радовал публику, покорял женщин, множил друзей, сеял добрые чувства. И когда автору закрывали рот, его талант тоже не замолкал ни на минуту. Он продолжал свое благородное и бесстрашное дело. И при этом год за годом, том за томом и концерт за концертом пел веселый гимн человеку, помогая ему хоть как-то мириться с несовершенством мира.

Больше полувек мы слышали этот неповторимый голос, который учил нас свободе. Уставшие от лжи и словоблудия, давно истосковавшиеся по простым и вечным радостям, по всему тому, что дает человеку опору в жизни, чувство защищенности и уверенности в завтрашнем дне, люди впитывали гармоничные жванецкие максимы, как живую воду. И морок рассеивался, абсурд исчезал, жизнь обретала привычные координаты, белое не только вновь становилось белым, но и загоралось всеми цветами радуги. И опять возникло чувство, что несмотря ни на что, нам есть чем дорожить, что любить, во что верить и на что надеяться...

Великий Жванецкий!..

Вероника Долина, поэт, бард:

Такого всенародного литератора и артиста в одном лице – судьба не давала нам никогда. Не погиб такой алмазный дар в 30-е, не был на дыбе в 50-е, только поднял голову в 60-е и потом оставался с нами столько лет... сверкая и ободряя, как положено алмазу.

Неслышанно оправив в артистизм свой могучий литературный дар, сделав собственный язык острейшим волшебным остриём... в тени которого мы все и прожили – выстояли с 20 по 21 век. Сколько же он давал! Какую жизненную силу излучал!

Мальчуганы-стендаперы, что вы знаете о силе одиночки на сцене! Мало вы знаете. Вы вообще о ММЖ не узнаете. Его язык нельзя было переводить. Это было голевское могущество. Пушкинское универсальное волшебство.

Любая миниатюра Жванецкого бодрила, давала возможность чувствовать себя человеком.

Когда ещё высшие силы подарят нам гения словесности русской.

Те кто постарше, знают – на нашем веку уж не будет.

Михаила Жванецкого в последний путь провожали аплодисментами

**Сусанна Альперина, журналист,
Московский филиал ВКО**

По странной иронии судьбы Жванецкий всего один день не дожил до 30-летия Всемирного клуба одесситов. У одесситов всего мира был свой Президент. Выказывания Михал Михалыча всегда были неким паролем, опознавательным знаком, в разных местах земного шара. Только во Всемирном клубе одесситов прощаются: «Всегда неподалеку!» – фраза Жванецкого, которая обозначает: друг, всегда можешь на меня рассчитывать, я – рядом.

Ведь так мог только он один – почувствовать то главное, что волнует каждого, и подобрать правильные, единственно верные слова. Пусть они назывались миниатюры, пусть Жванецкий числился в сатириках. Он был во многом философ и пророк, и не всегда хотелось смеяться над тем, что он говорит.

Каждый год, несмотря ни на что, Михалыч летом ездил в родную Одессу. Набираться вдохновения и сил. Ему там хорошо писалось, и первыми новые миниатюры слушали в клубе друзья-одесситы. В этом году – не приехал. Неизвестно, смог бы по состоянию здоровья. И опять же – пандемия. Не прикоснулся к родной земле, дающей силы. Не попрощался.

Траур не только во Всемирном клубе одесситов. Во всем мире. У всех людей, которые ценят правду и силу слова. А еще – смелость. Жванецкий – не боялся. Как не боялись и те, кто находился рядом с ним. И Роман Карцев, и Виктор Ильченко. Когда-то они все трое, молодые, шли по счастливой, залитой солнцем Одессе. Сегодня они снова вместе. Хочется представить, как идут по радуге, улыбаются, шутят, глядя на нас.

...После пятницы, 6 ноября, были два страшных дня. Одесситы рвались в Москву со всего мира. И не только одесситы – поклонники таланта Михал Михалыча. В Москве люди хотели куда-то прийти,

чтобы почтить память. Принести цветы, поделиться горем. А некуда! В Одессе есть бульвар Жванецкого, есть звезда писателя на Аллее памяти, есть штаб-квартира Всемирного клуба Одесситов. Туда приходили, несли цветы. Букеты лежали даже у кота – на подоконнике Всемирного клуба Одесситов памятник Морису – любимому коту Михал Михалыча. А в Москве – ничего. Театра миниатюр на Тверской теперь нет. Мемориальной доски и памятника ещё нет. К зданию Авторского телевидения, где снималась программа «Дежурный по стране», не придешь, как и к Концертному залу Чайковского, где так любил выступать Михал Михалыч, – куда там класть цветы? Нет отдельного места. Хорошо, хоть разрешили там провести прощание самым близким. Но самое главное – прийти нельзя! И на Новодевичье кладбище, где прошли похороны, – нельзя. Ситуация с коронавирусом не оставляет выбора. Прощание и проводы в последний путь могут быть только закрытыми для ограниченного количества людей. Это даже не как с Высоцким, когда, несмотря на запрет, пришли прощаться толпы. Это совсем другое. Небезопасно.

Лаконичная церемония прощания на Новодевичьем. Провёл Михаил Швыдкой. В первых же словах пояснил, почему Новодевичье. Потому что Всемирный одессит Жванецкий – национальное достояние. Первым выступил Юрий Рост. Сказал, что каждое время в нашей стране получает своего писателя, способного иронично его осмыслить. Чехов, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Зощенко и другие, и вот – сколько лет – Михаил Жванецкий. После Роста вышла Алла Пугачева. Без микрофона произнесла самые простые и самые дорогие слова. В том числе и о том, что и молодые поколения знают и любят Жванецкого,

и пока живы мы, наши дети, дети наших детей, их дети память будет передаваться от одних к другим. Ольга Любимова, министр культуры, усилила эту мысль, подчеркнув значимость Жванецкого для нескольких поколений. Новое поколение «юмористических» людей, продолжателей дела Жванецкого, – Иван Ургант, Семен Слепаков, Максим Галкин, Леонид Барац, Ростислав Хаит и другие, – внимательно слушали. Клара Новикова, выступая, рассказала о Театре Миниатюр, где работала вместе с Романом Карцевым и Михаилом Жванецким. О сцене, на которую выходили настоящие мастера своего дела – от Фазиля Искандера до Василия Аксёнова. «Хорошо бы, чтобы в это театре был музей», – сказала она. Также Новикова рассказала, как пересматривала вечером концерт к 85-летию Михаила Жванецкого, показанный на канале «Россия 1». «Какие умные лица! Какая публика!» – отметила Клара Борисовна. Антон Златопольский, первый заместитель гене-

рального директора ВГТРК, говорил о том, как родилась программа «Дежурный по стране». Программа-долгожитель выходила на ТВ 19 лет. Журналист и педагог Виктор Лошак рассказал о том, как скорбит Одесса, что имя писателя встанет в один ряд с именами Бабеля, Ильфа и Петрова, Олеси, Катаева и других. Михал Михалыч «смотрел» на собравшихся с портрета, на котором лукаво улыбался. В какой-то момент показалось, что подмигнул... Или это от слез такой «эффект»?

... Свежая могила Михаила Жванецкого рядом с местом захоронения Галины Волчек. Рядом – памятник Марку Захарову, месяца не прошло, как установили, Олегу Табакову. Какие люди... «Вот и все, смежили очи гения», – как писал Давид Самойлов. Михаил Швыдкой сказал о том, что если бы одесситу Жванецкому, который работал в городском порту, сказали, что его похоронят на Новодевичьем кладбище со всеми воинскими почестями, он бы рассмеялся этому человеку в лицо. Но

так и получилось. Директор Всемирного клуба Одесситов Григорий Барац, близкий друг Михаила Жванецкого, сказал, что к 6 марта, очередному Дню рождения Михал Михалыча, в Одессе планируют провести чтения. Раньше проводили бабелевские – все желающие читали рассказы Бабеля. По такому же принципу будут организованы и чтения Жванецкого. «Это был человек, который менял мировоззрения, – сказал Барац о своём друге. – Человек, который умел заставить даже власть имущих посмеяться над самими собой».

В последние минуты прощания Алла Пугачева повернулась ко всем, кивнула и начала аплодировать. Михаила Жванецкого проводили в последний путь бурными аплодисментами. За себя, за всех тех, кто не мог прийти, приехать, прилететь и быть рядом. Такими, к которым он привык. Такими, которые положены настоящему Писателю. Хотя Жванецкий, который, как всякий гений, стеснялся и сомневался, называл себя скромно – Автор.

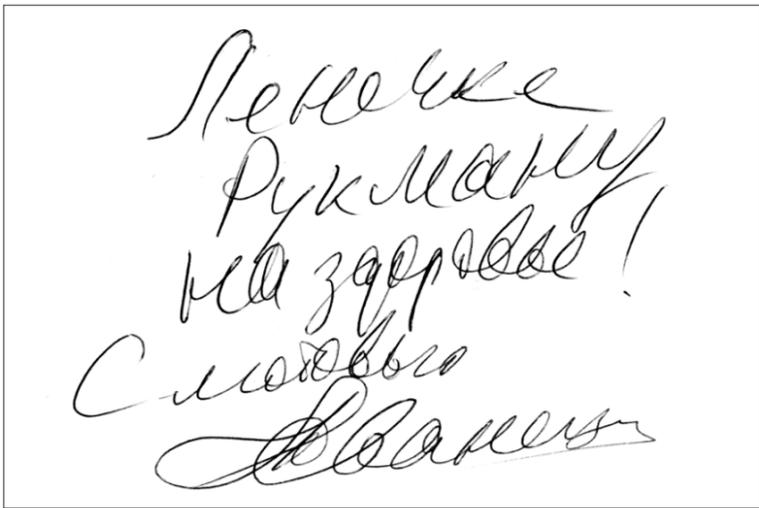
Нам остается помнить...

Леонид Рукман, член Президентского совета ВКО:

Хочу рассказать о человеческих качествах этого Великого человека, уход которого поселил невыразимую печаль в моем сердце и в душе каждого, кто его знал.

Было это в далеком 2011 году. К тому времени я уже в течение 10 лет «тянул ляжку» в должности директора Всемирного клуба одесситов. У меня возникли серьезные проблемы с коленными суставами. Я рассматривал возможность, по настоятельному совету врачей, радикально решить этот вопрос – обязательно сделать замену коленных суставов. Но сумма, которую нужно было заплатить за сами суставы (немецкие молибденовые) и операцию, были для меня неподъемными. Поэтому я уже было решил заниматься лечением суставов, понимая всю бессмысленность этого занятия.

И вот в один из дней возвращался я из Клуба домой и прошел уже большую часть пути, как вдруг возле меня останавливается машина, из которой меня окликают Мих. Мих. с предложением подвез-

ти меня домой. Оказывается, что Михаил Михайлович заехал в Клуб с намерением застать меня, и, узнав, что я, с трудом передвигаясь, «пошкандыбал» домой, тут же направился за мной. Быть может, он сам понял или кто-то ему рассказал о моих проблемах, но это было точно не я. Одним словом, подъехав к дому, Жванецкий протянул мне запечатанный конверт и сказал, чтобы я не отказывал-

ся, и что это часть средств на операцию. Видя мое смущение, он добавил: «Мне нужен здоровый директор Клуба».

Конверт я храню до сих пор. Пришлось все же сделать две операции, так как я понял, что вернуть деньги Жванецкому мне не удастся.

Память и сердце мое полны добрыми и светлыми воспоминаниями об этом достойном человеке и гениальном мастере...

Евгений Деменок, писатель, коллекционер, член Президентского совета ВКО:

Михаил Михайлович плохо запоминал молодых. Нет, моя фамилия была ему, конечно, знакома – всё-таки моя мама работала в Филармонии и даже пару месяцев нянчила его сына Митю – но лишь спустя пару лет после нашего знакомства он начал чётко меня идентифицировать.

– Деменок?

– Точно, Михал Михалыч!

Это, конечно, было маленьким чудом. Трудно представить, какое количество народу встречал он еженедельно. И все ведь хотели выделиться, запомниться.

Казалось, он был в нашей жизни всегда. Я вырос со Жванецким. Его цитировали родители, их друзья, его показывали по телевизору, мы ходили на его концерты, афиши с его именем висели в Одессе месяцами, даже после концертов их никто не снимал, это казалось кощунственным. Лет в двадцать пять, записывая жизненные цели и набрасывая планы, я написал: «Познакомиться со Жванецким». Он казался тогда далёким, недоступным небожителем. Спустя пятнадцать лет стал небожителем близким. Я слушал его много раз – и когда он читал только что написанное в Клубе одесситов, и на вечеринках у друзей, и на обязательных мартовских концертах в Музкомедии или в Оперном.

Сейчас я понимаю, что его присутствие было всеобъемлющим и потому незаметным. Его фразы становились нашими мыслями, и казалось естественным то, что Жванецкий всегда был, есть и будет. Ну восходит же каждое утро солнце. Каждое лето будет приезжать в Одессу, открывать «Зелёную волну», принимать новых членов в Клуб одесситов, читать в узком кругу свои новые произведения...

Пытаюсь вспомнить теперь, когда мы в последний раз виделись. Вспомнил – это было прошлым летом, на очередном Одесском кинофестивале. Он сидел тогда в Оперном театре в первом ряду, рядом с Катрин Денёв. Их в этот день награждали специальными призами.

А до этого, в том же 2019-м, виделись дважды подолгу. Пятнадцатого февраля он выступал в Праге, в театре «Nuberna», уютный зал которого был набит зрителями под завязку. Выступать Михаилу Михайловичу было некомфортно – сверху сильно дуло, и он то надевал свою кепку, то снимал её, пил горячий чай, менял место на сцене, но упрямо «шёл на повышение», увеличивая градус выступления, и зал почти сразу настроился на ту же волну, хохоча и аплодируя. Михал Михалыч рассказывал о своей работе в порту, и я замирал от восторга, потому что так и не смог в нём поработать, хотя окончил тот же самый Водный институт, правда, тридцать пять лет спустя, но наш преподаватель информатики не устал напоминать нам, что кроме нас, балбесов, он в своё время учил и

Жванецкого. Потом мы пригласили его с Наташей и Олегом Сташкевичем на ужин в отличный ресторан итальянской кухни нашего земляка Юрия Колесника. И все были счастливы, но Михал Михалыч признался, что для него нет ничего лучше еды его детства – котлет, борща, а вино он предпочитает водку. Он был уставшим, любой из нас был бы уставшим, если бы ему довелось выступать почти два часа перед полным залом в восемьдесят четыре года; это, конечно, шутка, единицы способны поддерживать такую работоспособность столько лет подряд. Сохранять такую остроту ума, не фальшивить, не снижать уровень. Он всегда был эталоном хорошего вкуса. Я признался тогда Олегу Сташкевичу, что не представляю, как можно в таком возрасте разъезжать по миру с гастролями, давая при этом концерты в двух отделениях. Олег ответил, что они с Михаилом Михайловичем выработали особый график – три концерта в месяц, не больше и не меньше. «Если он выступает реже, начинается сильно волноваться; если чаще, сильно устаёт».

А через месяц, в конце марта, была встреча в Одессе, в Аркадии, на юбилее у Валерия Исааковича Хаита. У Михаила Михайловича за три недели до этого тоже был юбилей, восемьдесят пять, и на его выступлении в Оперном был аншлаг. Все понимали, что он устал, но не бывало, пожалуй, случая, чтобы он в компании друзей не прочитал или не рассказал что-нибудь. Он всегда начинал потихоньку, а потом, чувствуя восхищение и энергию поддержки, продолжал с всё большим воодушевлением. Мы ловили каждое слово – он рассказывал о встрече с Бродским, о том, как Михаил Барышников дал ему денег на первый «Мерседес», о том, как он звонил Высоцкому, и тот помогал уговорить несговорчивую барышню... Хорошо, что мы сейчас можем всё это записать на телефоны и потом, спустя годы, пересматривать.

Михаил Михайлович выступал в Одессе и в ноябре, а потом неожиданно приехал на Новый год – и мы страшно жалели, что отмечаем его в Праге, а не вместе с ним в ресторане «Дача». «Ну ничего», – думали мы, – «в следующий раз обязательно».

Следующего раза не будет.

Выступления, концерты, общение с публикой были ему необходимы. Они давали ему жизненную энергию. Но... началась пандемия. Карантин. И у него словно отняли жизненный смысл. Да, можно продолжать писать... Но этого оказалось недостаточно.

В начале июня я говорил с Олегом Сташкевичем. И узнал от него состоянии Михаила Михайловича. Две недели назад написал Олегу, попросил, чтобы Михаил Михайлович написал несколько слов ко дню рождения Евгения Михайловича Голубовского, как он уже делал по моей просьбе девять лет назад.

Олег не ответил.

Теперь я понимаю, почему.

Сейчас в Фейсбуке – целый шквал признаний в любви. Каждый замечает, отмечает в нём и его творчестве что-то своё, важное для себя. Пишут о том, что он сформировал стиль мышления нескольких поколений. О том, что он первым осмысливал проблемы, и, высмеивая их, помогал нам их пережить. О том, что он является составной частью русского языка, и сейчас только его творчество будет переосмысливаться как творчество большого, великого писателя универсального диапазона – такого, как Фонвизин или Салтыков-Щедрин.

Всё это правда.

А для меня главным всегда было то, что, осознавая свой талант, он всегда понимал, что дан он свыше, является чудом, и самое главное – зная себе цену, не допускать самолюбования. И постоянно выверял свой внутренний камертон – не сфальшивил ли.

Нам остается помнить...

В Театре миниатюр. 1981 г.
Фото Игоря Гранковского

Юрий Рост, фотограф, журналист.

Он жил мучительно радостной жизнью. Он бродил среди нас, постоянно отлучаясь. Хотел примкнуть к успешным: к собратям по перу, по сцене, по жизни, пытаясь убедиться, что он первый в своем деле. Переживал, нервничал, болел. Он наслаждался своим даром и стеснялся его. Называл себя «автором», чтобы самодостаточная пишущая элита часом не определила его в литературный амфитеатр вместо литературного партера, которого, чувствовал, достоин.

Бодрил и шутил с внимательными глазами, ожидая оценки. Мог осунуться и надолго заскучать в ответ на доброжелательную, а может, и восхищенную реплику безусловного писателя: «Ты, Миша, – жанр!». Значит, не приняли в свои, исключили, определили другой сорт – вне привлекательного ряда.

Да ты, Миша, и вправду, вне ряда.

Те, кто, не читая, охотно принимает твое самоотречение – «автор», – сделаны порой и неплохо, но из другого материала. Не дефицитного.

Ты даже не чужой им. Ты стоишь вне нынешнего ранжира, и потому коллеги не могут определить тебе место среди себя. Ты – другой.

Каждое время, Миша, обходится – при обилии хороших поэтов, прозаиков и драма-

тургов – лишь одним писателем, наделенным даром иронического, сатирического и парадоксального, а следовательно – правдивого осмысления людей и нравов.

Ты в этом ряду.

У Гоголя было свое время. У Салтыкова-Щедрина – свое. У Зоценко – свое. У тебя – наше. Ты жадный, Миша. Тебе мало провинциальных городов, где из всех окон неся записанный на магнитофоны твой игривый тенорек – тогда. И миллионов зрителей и слушателей с восторгом и настороженностью наблюдающих публично, мгновенное рождение слова – сейчас.

Тебе хотелось, чтобы герои, которым ты определяешь точное место и безошибочное направление, куда бы двигаться от нас, аплодировали тебе и осыпали благодарностями? Если бы это произошло, и они не узнали себя – ты был бы неточен. А ты был точен безупречно.

Ты жил, как привык, – мучаясь.

Я открываю твои книги не для того, чтобы услышать тебя, а чтобы увидеть себя. Ты очень много знаешь про нас. Неправильно много. Непростительно. С твоими текстами жизнь не становится лучше. Без них – хуже. Прости нас. Ты нужен нам как живой ориентир, как узкая тропа тверди в топком болоте, как одинокое дерево. Иной раз в цвету.

Александр Бирштейн, писатель, член ВКО:

Знаете, я ведь молился на него. Гении бывают разные. Злые, добрые... Он был теплым гением. Мудрым и очень добрым. Он даже высмеивал, жалея. Он любил всех нас. Не только его одноклубников. Всех, понимаете.

Владислава Ильинская, поэт:

На скоростях, на которых приходится существовать, чтобы не сойти с ума в мире, где все меняется каждую долю секунды, невероятно ценной является способность остановиться и прислушаться к окружающей действительности – будь то пение птицы за окном или шорох страниц книги, которую ты автоматически перелистываешь. Именно этому – не листать свою жизнь автоматически, проживать, как бы то ни было трудно, каждую ее секунду – со всей болью и радостью, не оглядываясь на тех, кто слаб, чтобы справиться, кто завидует и злорадствует, – учил Михаил Михайлович одним теплым, добрым, кротким взглядом. Я рада тому, что успела познакомиться с этим невероятным человеком. Сегодня от нас ушла даже не эпоха – совесть поколения, грустно и бессильно наблюдавшая весь этот бардак вокруг.

Спите спокойно, Михаил Михайлович. Без вас будет намного тяжелее, но мы постараемся не унывать, продолжать жить и верить в то, что наши попытки очеловечиться принесут свои плоды.

Время скорбный счёт ведёт потерям.
Свет коптит, висит на волоске.
Человек со стареньким портфелем
Отбывает в небо налегке...
Отдежурил по стране убогой,
Выпестовал улочки, дворы,
Отшутил пропащий век у Бога,
В вечность вышел, дверь не затворив...
По нему листами золотыми
Рукописи леса отшуршат...
Вычерпана совести во имя
До небесных доньшек душа...
Коротка, дописана до точки
Жизнь-тетрадка, подвела черту...
Мудрости рассеянной листочки
Чьи-то руки ловят на лету...
Ирина Юрчук

Непреходящие ценности: Море и Жванецкий...

Григорий Барац, директор Всемирного клуба одесситов:

Как они похожи! Синие глаза, синее море. Непокойное спокойствие.

Море словно заснуло, едва шевелясь у самого края песочного ложа. Дремлют на внешнем рейде почти невидимые корабли в ожидании своей очереди входа в порт.

Жванецкий умиротворен. Удивлен собственным состоянием отдыха, который считает бездельем.

– Не пишется, понимаешь не пишется, – досадует Михалыч. – Второй день вожу ручкой по бумаге, не оставляя на ней мысли, – смеется он.

Небольшой столик на пятаках, покрытый белой скатертью, постепенно заполняется одесской закуской.

– Одесская еда! – восклицает он, воздевая руки к небу. Он, искушенный гурман, испробовавший, пожалуй, кухни всех континентов и всех народов, не перестает радоваться глядя на тютючку-береговушку, проглядывающую сквозь белые луковые колечки, разноцветную мозаику запеченных на мангале овощей: сочные кругляши желтой и

розовой микады, зеленые и пурпурные стрелы болгарского перца, в белых пятнышках синенькие, как в Одессе называют баклажаны.

Украшение стола – салат из пахнущих степью и морем помидоров и огурцов, нарезанных крупными дольками, смешанными с полукольцами белого салатного лука, – почти весь утонул в соусе и потому подан в глубоких пиалах.

– Какая прелесть, – восторгается и по-детски радуется Жванецкий этому незатейливому кулинарному блюду, – он же по ватер-линию залит овощной юшкой. Есть салат ложкой – это только у нас! Тост, обязательно тост! Это есть без тоста нельзя!

Верный соратник, незаменимый партнер, а главное – заботливый друг Олег Сташкевич предлагает поднять бокалы за здоровье Михалыча, за то, чтобы он чутко прислушивался к себе и не переутомлялся.

Сколько здравниц и пожеланий слышал Жванецкий в свой адрес, но тень смущения все равно скрыть не может.

Тут же переключает внимание, предлагая тосты за Наташу – жену, самого дорогого ему человека, за Иру неоценимую помощницу и подругу. И, чтобы окончательно отвести внимание от себя, предлагает выбрать что-нибудь на горячее.

– Даже ставридка уступает барабульке в кляре, – произносит он, смакуя названия рыбешек.

Его детская неподдельная искренность позволяет видеть невидимое, удивляться обыденному, восторгаться и находить чудесное, что скрыто ординарному взгляду.

Несколько секунд он следит за ребятами, играющими на узкой полоске пляжа.

– Дети на песке становятся совсем другими, – задумчиво произносит он, – видимо не опасаются ушибиться. Вглядываясь в сумеречный горизонт, он подгоняет заходящее солнце: – Вот, вот, еще немного и будут видны огоньки кораблей на рейде. И они, словно услышав голос человека, не раз смеявшегося над сильными мира сего, послуш-

но зажигаются, становясь все ярче и ярче.

– Это же надо, чтобы нам так повезло – родиться на берегу такого удовольствия, – неподдельно удивляется он, обхватывая расставленными руками лежащее у его ног море.

В спокойствии моря кроется потенциальная сила шторма. В бездельничаньи Жванецкого накопление идей, впечатлений, находок

– для новых открытий.

Чувствую себя все время должником этого удивительной прозорливости человека. Ловлю себя на том, что пользуюсь его фразами, его мыслями. Масштаб писателя Михаила Жванецкого носит глобальный, мировоззренческий характер. Не верю своему счастью, что могу называть его «Мишенька» и поправить плед на его плече.

Август 2019 года.

«Талант – это просто, это переживать за других»

Виктор Лошак, журналист:

Всю свою долгую писательскую жизнь он подписывался так: «Всегда неподалеку. Ваш Жванецкий». Для родного города он точно был рядом.

Когда в Одессе один человек звонит другому и сообщает: «Миша приехал», его никогда не переспросят: «Какой?»

Жванецкий действительно будто один имел право на это имя.

Летом, когда мы жили на даче, фраза «Рая так волнуется за Мишу» была нашим утренним рефреном. Наша бабушка Зина и мама Миши каждое утро, пока Большой Фонтан не накрывал первый приступ жары, вместе плавали на пляже 10-й станции. После сообщения о волнениях Раисы Яковлевны бабушка всегда спрашивала у меня: «Что вы там в Москве себе думаете?» Это был вопрос, вбравший в себя всю, пожалуй, жизнь: подорожание, реформы Горбачева, недостаточно тепло одетую лютой столичной зимой правнучку...

Жванецкие жили на улице Старопортофранковской, 133. Старый дом, увитый виноградом двор, двери многократно перестроенных квартир выходили на круговую веранду... Отец был участковым терапевтом и в том самом стареньком Мишином концертном портфеле «носил истории болезней, а теперь я ношу историю болезни, только большую, общую». Портфель был такой старый, что Миша укладывал его в другой портфель. Ветхость кожного изделия спровоцировала многих на одинаковый подарок: за жизнь Михал Михалыч получил десятки новых портфелей. Даже в близком кругу кто-нибудь обязательно дарил ему портфель на день рождения. В этот вечер, 6 марта, Жванецкие обязательно собирали самых близких в «Академии» на Остоженке.

Осенью Миша отмечал конец творческого сезона. Пока Украину не сделали «заклятым врагом», друзья слетались каждый сентябрь в Одессу. Все набивались на баржу, которая целый день весело ползла по Днестру. Варили уху. Сидя во главе длинного стола, Жванецкий читал написанное за лето.

Последние годы баржа уже отходила из Ростова. Хозяева очень старались, но прививка местной элите Мишиной сатиры не сказать, чтобы была очень успешной. На берегу Дона установили памятник Жванецкому, ростовские казачки его регулярно громили. Чинить приходилось ежегодно.

Летом на даче в Аркадии Жванецкий писал много и с желанием. Рядом был город, который питал его. У Миши было множество маленьких блокнотиков с листочками на спиральке, один он обязательно носил с собой. Большими округлыми буквами записывал услышанное. Кажется, какие-то фразы перенес в свой портфель, не меняя: «Не можешь любить? Сиди дружи», «Имей совесть и делай, что хочешь», «Все идет хорошо, но мимо»...

Никогда не скрывал, с каким трудом заставляет себя сесть и работать. Все затихает, радио, телевизор выключены, закрывается балкон, все равно что-то не так, захлопывается и форточка... Из этой борьбы вышлыла знаменитая фраза: «Не мешайте моему одиночеству – не оставьте меня одного».

В эти моменты, наверное, особенно хорошо было видно, что Жванецких двое – талант и человек. Человек – осторожный, сибарит, склонный к лени и застолию. Талант хватает за руку и тянет к письменному столу, к рискованной сатире, взлетает в философские выси и пикирует вниз со свежей остротой наперевес... «Талант – это просто, это переживать за других».

Когда талант Миши бил по политическим целям, я не уверен, что человек был его наводчиком: «Наши взаимоотношения с Америкой – ненавидеть и подражать», «Патриотизм – это четкое, ясное, аргументированное объяснение, почему мы должны жить хуже других», «Конечно, у нас свет в конце тоннеля есть, но что же тоннель, сука, никак не кончается...»

Талант сжимал килограммы литературной породы до фразы, до абзаца, до страницы текста, а человек нередко вздыхал, что не признают его своим настоящим писателя. Ведь и правда, нет у него ни романа, ни повести,

ни тем более большого собрания сочинений.

Удивительно, какой повышенной ранимости была личность, сама носящая целый колчан сатирических стрел.

Стоило кому-то плохо сказать или написать о нем, сравнить не в его пользу с каким-нибудь эстрадным, и Михал Михалыч раскисал, по многу раз переспрашивал у Олега Сташкевича, верного друга и литературного секретаря, так ли это все на самом деле, как о нем высказались.

Самостоятельную жизнь Жванецкий начал дежурным механиком порталных кранов в Одесском порту. Его будущий актер Виктор Ильченко в его же смене отвечал за погрузку. Рома Карцев в это время налаживал швейные машинки на фабрике имени Воровского. Потом они создали театр «Парнас», и увидевший спектакль Аркадий Райкин пригласил Карцева и Ильченко к себе в Ленинград. Жванецкий поехал за ними следом, несколько лет писал для Райкина. Потом они вернулись в Одессу и создали уже свой театр миниатюр. С работы у Райкина началась большая всесоюзная популярность Жванецкого.

Советская власть дозировала сатиру, но окончательно не запрещала. Та жизнь Жванецкого – опыт одиночного сопротивления. «Сражение муравья с готическим стилем», как позже он же и

написал. Не раздавили муравья просто потому, что на взгляд власти был он слишком мелок. А кроме того, в 70–80-е на фоне стариков, насмерть ухватившихся за власть, все были немножко оппозиционерами. Кому-то можно было и разрешить щекотать нервы, например, Высоцкому, Жванецкому... Но без издания книг, без больших концертов, без заграничных, не дай бог, гастролей. Мишу не раз звали выступить для узкого круга, где сатирик смешил по сути тех, кого и высмеивал. Его жизнь в те годы была таким странным счастьем с трагической подкладкой. Впрочем, так же верно и обратное. Человек и тут звал его вписаться в уютную, со всеми земными радостями жизнь, а талант тянул к сопротивлению.

Великая Изабелла Юрьева в интервью на мой вопрос «Что такое слава?» ответила: «Это когда ты въезжаешь летом в дачный поселок и слышишь, как из всех открытых окон доносится твоя пластинка». Вот что такое народный артист! Кассеты со Жванецким крутили все и всюду. «Как-то засиделся у Визбора, – рассказывал он мне, – какой-то парень предложил подвезти. Едем. Он говорит, мол, долго работал в Лондоне... Ну, в общем, работал... Срочно отравили назад. Провожали двое, которые всегда и следили. «Все про вас понимаем, – говорят, – кроме

одного: почему вы всегда так хохотали, когда ставили кассету с мужским голосом? Что он там такое говорил?»

Мало кто так любил своего зрителя и читателя, как Жванецкий. Трудно выходил на сцену – много лет пересечение границы между тьмой закулисья и светом рампы давалось ему тяжело. Но вот он произносит свое извечное: «Ну что, пацаны?», расстегивает портфель, гора исписанных листков, кажется, вот-вот разлетится по сцене... Начинается магия. В первом иностранном фильме о Михале Михалыче, сделанном немцами, они снимают его в переполненном «Юбилейном». За кадром авторы размышляют о загадках русской души: три часа десять тысяч слушают одного, смеются, плачут, замолкают... Что происходит?

Миша много написал о женщинах. Ему везло в любви, везло и с женами. Но самой ценной его находкой была Наташа. Всегда удивляло, как все двадцать пять лет их общей жизни этой красавице хватало такта не выходить на первый план, заботиться о Мише без пафоса, жить вдали от нравов богемы.

«Господи, – написал Жванецкий, – как я ненавижу тех, кто меня не любит!» А есть ли такие? Впрочем, и они не были бы для него сюрпризом: «Любовь не может кончиться хорошо». Сегодня мы это почувствовали.

Савва Либкин, ресторатор:

Со Жванецким я познакомился десять лет назад, когда он обедал с приятелем на «Даче». Я тогда подошел к их столику на правах хозяина заведения, и слова застревали у меня в горле – боялся сказать что-нибудь лишнее. Позднее я понял, что был прав: лучшая тактика общения со Жванецким – не говорить, а слушать.

Его творчество сопровождало меня с самой юности. Сначала в исполнении Райкина, Карцева и Ильченко, затем – в его неповторимом авторском чтении. Тексты Жванецкого были чем-то вроде общенародных анекдотов – их знали и любили все. Он описывал время и жизнь совершенно особенным способом, и этот взгляд на вещи во многом сформировал мое мировоззрение – думаю, не только мое.

Когда он стал читать свои тексты сам, они стали другими: юмористический тон сменился тоном повествователя. Позднее его стиль изменился снова: тексты стали более объемными, обращенными уже к другой аудитории – скорее к читателю, а не к слушателю. Последние десять лет его творчества – это уже был не юмор ради смеха, а философия с едва заметной улыбкой. Слушая его тексты этого периода, зал по-прежнему смеялся, но скорее реагируя на манеру исполнения, а не на содержание. А максимальной концентрации этот период в его творчестве достиг, на мой взгляд, в последние пять лет: абсолютно философские тексты, без стремления вызвать улыбку у слушателя.

В разговоре Михаил Михайлович оперировал не бытовыми фразами, а новыми смыслами, литературными конструкциями – каждое его слово можно было записывать. Любая его формулировка была абсолютно выверенной, математически точной. Он так точно подбирал слова и интонации для каждой мысли, что поменяй хотя бы букву, и смысл изменится. Это в равной мере относилось и к его текстам, и к сценическим выступлениям, и к неформальному общению.

Думаю, что неповторимая легкость его текстов рождалась не в результате экспромтов, а благодаря долгому и упорному труду. Когда я попросил его написать вступление к моей первой книге, он подошел

к выполнению этой просьбы обстоятельно. Работа продолжалась несколько недель, а затем он выдал короткий искрометный текст, благодаря которому книга заиграла новыми красками. Впоследствии этот текст, посвященный одесской кухне, он читал на концерте в Киеве. «Я выступаю везде, но пишу только в Одессе», – говорил Жванецкий.

Одна из последних моих встреч со Жванецким тоже произошла на «Даче» – в новогоднюю ночь, когда встречали 2020-й. Тогда его выступление стало своеобразной «новогодней речью президента». Но президенты сменяют друг друга, а Жванецкий всегда останется с нами, и никто не сможет его заменить...

Сквозь все преграды року вопреки

Уходит 2020-й год, принесший в нашу жизнь новые смыслы и кардинальные изменения, заставивший пересмотреть наши планы и проанализировать наши потребности. Но, к счастью, одесская жизнестойкость и стрессоустойчивость (в отсутствие вакцины) – действенная таблетка от уныния и депрессии в сложное время сложной эпидемиологической ситуации. Одесса пережила и не то – и чуму, и испанку, и холеру, – переживет и ковид. И год этот запомнится не только социальной дистанцией и карантинными мерами, но и яркими культурными событиями. Не каждый город или страна могли это себе позволить.

Вопреки всем прогнозам в Летнем театре Горсада под открытым небом состоялся юбилейный – 20-й Международный джазовый фестиваль «Odessa JazzFest». Да, праздник импровизационной музыки отличался от фестивалей предыдущих лет форматом проведения, зато вход на него был бесплатным для всех зрителей.

Центральным инструментом Odessa JazzFest на этот раз стал рояль. Все многообразие фортепианного джаза в разных стилях, жанрах и формах составило основную музыкальную канву юбилейного фестиваля.

Именитые джазовые пианисты представили авторские программы, созданные специально для фестиваля. Отдельным событием в рамках Odessa JazzFest 2020 стала выставка «Весь этот джаз» фотографа Сергея Гевелюка. Также прошли два мастер-класса от известных пианистов Вадима Неселовского и Лорана Нику.

В сентябре в Одесском художественном музее открылась юбилейная выставка известного одесского скульптора, заслуженного художника Украины, члена Президент-

ского совета Всемирного клуба одесситов Михаила Рева. 60-летие отмечает в этом году Рева, а подарок получили одесситы. Выставка «Откровение / Revelation» – это ра-

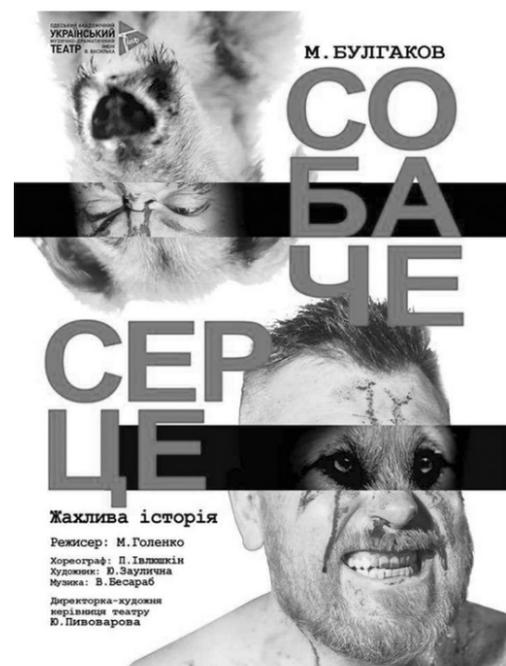
боты разных периодов творческой жизни мастера – 49 скульптур и 16 графических работ, а также иконы, которые художник создал в 1994 году для фильма «Пустыня» режиссера Михаила Каца. В экспозицию вошли также произведения, созданные в период карантина в Мексике.

– В этой выставке я хотел обратиться к вещам глубинным, которые связывают нас с планетой Земля... Я хочу, чтобы у каждого посетителя произошло откровение, и он почувствовал гармонию, чтобы приоткрылись шлюзы, чтобы в каждом проснулся тот удивительный ребенок, который умеет радоваться мгновениям красоты... – заметил, открывая выставку ее автор – создатель фонда RevaFoudation, соучредитель благотворительного фонда «Будущее». Михаил Рева – знаковый для Одессы художник, автор «12-го стула» и «Одесского времени» в Горсаду, фонтанов у Воронцовского дворца и в Греческом парке, «Ангела милосердия» на Пушкинской в Центре

Б.Литвака, «Дома Солнца» на Ланжероне, «Книжника» у Национальной научной библиотеки...

Revelation – часть международного проекта, который дальше поедет в Европу и Америку. А одесситы смогут любоваться выставкой еще до конца года.

М. БУЛГАКОВ

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

Жахлива історія

Режисер: М. Голенко
Хореограф: П. Галешкін
Художник: В. Залучина
Музикант: В. Бесаріб

Директорка-художниця
національного театру
Ю. Пивоварова

В Украинском театре нынешней осенью состоялась самая громкая премьера года. Новый главный режиссер театра Максим Голенко поставил спектакль «Собачье сердце» по мотивам произведений Михаила Булгакова. Грубое вмешательство в законы природы, как и изменения государственной системы с помощью революционных переворотов, не приносят ничего хорошего. Глобальный советский эксперимент изначально был обречен на провал. Зрителей, настроившихся на политический памфлет, предвестник репрессий 30-х годов, эксперимент «преображения» профессора Преображенским доброго пса Шарика в отъявленного негодяя и хама пролетария Шарикова,

ждет много неожиданностей. Театральная постановка вышла за рамки одной булгаковской повести, получив новое звучание. В ней нашли место реминисценции на другие произведения мастера – «Роковые яйца» и «Морфий». Все это особенным и страшным образом сплетается в единое действие: зашпигованные уродцы в огромных пробирках, чекисты ГПУ в кожаных плащах, сопровождающие все действие, обилие крови. Режиссеру удалось передать дух и атмосферу 20-х годов прошлого века. И зрителей охватывает липкий страх, что эта страница нашей истории еще не перевернута и не завершена окончательно. Словом, нужно смотреть, размышлять и анализировать. К этому призывает нас новая, несомненно, удачная театральная работа.

В октябре Музей современного искусства Одессы представил масштабную выставку «ТИРС». Сложная аббревиатура – это название первого в Украине музея современного искусства, который был основан в Одессе в 1990-м году, когда в СССР еще не было сформированной арт-среды. За первые шесть лет активной деятельности его создатели собрали большую коллекцию и представили более тридцати некоммерческих проектов художников из стран СНГ и Европы.

«ТИРС» впервые открыл новое ис-

кусство широкой аудитории», – вспоминает первый директор музея Феликс Кохрит. Спустя 30 лет в МСИО возродили память о незаслуженно забытых, знаковых событиях в истории современного искусства города и страны. Работы из коллекции ТИРС, полученные МСИО для реставрации, сохранения и включения в экспозицию – стали основой проекта. Фото и видеоархив «ТИРСа» дают возможность воссоздать объемный образ первых лет деятельности музея, увидеть то, что могло исчезнуть навсегда.

Традиционно в самые жаркие августовские дни в Одессе прошел 4-х дневный Международный книжный фестиваль «Зеленая волна». Это был первый фестиваль, который не открывал Михаил Жванецкий – не смог приехать из-за пандемии в Одессу. 2020 год – непростой для всего мира, отменено

большинство профильных и массовых мероприятий. Но люди и книги по-прежнему нуждаются друг в друге. Поэтому организаторы решили все же поборотся за проведение книжной ярмарки и сопутствующих ей мероприятий и провели фестиваль онлайн. Одновременно – при поддержке Украинского культурного фонда – большая часть программы была переведена в диджитал-форматы. Фестивальный центр расположился на главной аллее парка им. Т. Г. Шевченко с локациями: «Книжная аллея», «Книжная сцена» и «Территория творчества».

Книжную ярмарку и все события фестиваля посетили за 4 дня, по приблизительным оценкам, более 12 тысяч человек. Состоялся и Корнейчукский фестиваль детской литературы, неотъемлемая часть «Зеленой волны».

В книжной ярмарке фестиваля приняли участие 56 издательств и книготорговых предприятий Украины. Прошло 96 фестивальных мероприятий, из них 44 – для детей и подростков и 52 – для взрослых. Участники конкурсов – из Украины, Франции, Израиля, России, Словакии, США, Германии. Были встречи с авторами, чтения, поэтический марафон, образовательные и познавательные программы для взрослых и детей, камерные спектакли и концерты. А Львовский национальный литературно-мемориальный музей Ивана Франко привез в Одессу мобильную выставку-лабиринт «Franko from A to Z».

Впервые в рамках «Зеленой волны» проводился Всеукраинский форум «Українська книга на Одещині». Он подарил любителям книги презентации новых книг и издательских проектов, творческие встречи, мастер-классы, дискуссии по актуальным вопросам издательского дела и книгораспространения и выездной Праздник украинской книги в Доброславе.

Впервые в рамках «Зеленой волны» проводился Всеукраинский форум «Українська книга на Одещині». Он подарил любителям книги презентации новых книг и издательских проектов, творческие встречи, мастер-классы, дискуссии по актуальным вопросам издательского дела и книгораспространения и выездной Праздник украинской книги в Доброславе.

Более 150 тысяч онлайн-просмотров получил 11-й Одесский международный кинофестиваль, который впервые проходил в необычном формате с 25 сентября по 3 октября. В кратчайшие сроки была создана уникальная платформа, позволившая совершить просмотры ярких событий

мира кино в условиях пандемии. 100 кинодеятелей виртуально приняли участие в кинофестивале этого года, а его аудиторию составили 350 тысяч зрителей.

Вкратце – его итоги. По результатам зрительского голосования Гран-при в Международной программе ОМКФ-2020 получил фильм «Ужин в Америке» режиссера Адама Ремейера. Приз зрительских симпатий в Национальной программе завоевала лента «Виктор_Робот». А лучшим фильмом жюри назвало фильм «Атлантида» Валентина Васяновича.

А вот традиционный кинопоказ на Потемкинской лестнице прошел вполне реально. На масштабном киноперформансе под открытым небом в сопровождении оркестра зрителям показали классику немецкого экспрессионизма «Голем, как он пришел в мир» (режиссеры К.Безе и П.Вегенр), которому в этом году исполнилось 100 лет!

В Одессе появился свой новый бытописатель, Бабель в юбке XXI века. Юлия Верба пишет свою Одесскую сагу, и у нее это хорошо получается. Издав первую книгу рассказов «Молдавское отродье», получившую высокую оценку читателей, автор получила заказ от главного редактора издательства «Фолио», пожелавшего роман с продолжением из 4-х частей об Одессе. И процесс пошел. Изпод пера Юлии стала выходить Одесская сага – история до – и послереволюционной Одессы в подробностях, жизнь четырех поколений двора Молдаванки с историческими катаклизмами, житейскими бурями, маленькими скандалами и большими трагедиями.

Словом, история города со всеми ее перипетиями сквозь призму одного двора, история семьи через зерно истории. Жизнь его обитателей с их живописным языком, еврейским юмором и сочными диалогами никогда не была безоблачной и легкой. Случались и бандистские разборки, погромы и революции, красные комиссары и напманы, контрабанда и голодомор, Книга пронизана историческими подробностями из жизни Одессы.

Юлия Верба: – Я пошла по кратчайшему пути. Кто мне близок – конечно, семья. Всегда хотела рассказать историю семьи. Это был вызов. Я всю жизнь в «малой форме». К счастью сохранился семейный

архив, фотографии. Помогла работа в библиотечных и электронных архивах.

Юлия – одна из двух дочерей легендарного капитана Анатолия Вербы. Талантливых! Юлия – писатель и журналист. Леся – художник и музыкант. Повезло Одессе. Повезло и читателям, не только одесским: «Одесскую Сагу» с восторгом читают и активно обсуждают в разных уголках мира. А на полках последовательно выкладываются томики Саги: «Понаехали», «Ноев Ковчег», «Нэцах». Последнее означает седьмую цифру сфирот в каббале и переводится как «вечность» или «торжество» и символизирует победу и стойкость в терпении и вере. Книга «Нэцах» — про выдержку, силу и выносливость, – качества, которые помогают в любых условиях, при всех властях сохранить себя, свои корни. То самое легендарное одесское жизнелюбие. Сколо выйдет четвертый том. И тогда...

Думаю, Одесская Сага Юлии Вербы обречена на экранизацию. Ах, какой одесский сериал получится!

Но и Леся Верба не отстала от сестры в этом году. Яркая художница организовала в конце мая в Музее западного и восточного искусства выставку, посвященную легендарным эмигрантам, «прочертившим новое лицо стран, в которых они создавали будущее, воспроизводя свои глобальные идеи».

В яркой поп-артовской манере были запечатлены Иван Бунин, Соломия Крушельницкая, Владимир Горовиц, Игорь Сикорский, Александр Вергинский, даже Никола Тесла и Альберт Эйнштейн. А ко Дню города художница порадовала экспозицией «Ты в сердце моем», в которую вошли коллажи на темы одесских песен, получивших всемирную известность. Выставка состоялась во Всемиром клубе одесситов. Одна картина – одна песня – одна история. Когда Леся Верба устала на авторских экскурсиях пересказывать эти поразительные истории посетителям выставки, то решила издать книгу «Истории неОДЕССКИХ песен» с авторскими иллюстрациями и диском с песнями. Презентация сборника состоялась в последний день октября в Летнем театре Горсада с участием одесских музыкантов. Теперь Леся Верба готовит большой сольный концерт.

Подготовила Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Авербух – это звучит гордо!

Тридцать первого октября исполнилось 90 лет заслуженному врачу Украины, старейшему фтизиатру страны, серьезному ученому, талантливому литератору, члену Национального союза журналистов Украины, почетному члену Всемирного клуба одесситов Леониду Григорьевичу Авербуху.

Говорить об этом человеке, одессите в седьмом поколении можно только в превосходной степени. Профессионал своего дела, интереснейший собеседник, доброжелательный и харизматичный человек, щедро наделенный от природы талантами, обладающий потрясающим чувством юмора, острым умом и энциклопедическими знаниями и готовый этими знаниями делиться. И это не дифирамбы, приличествующие юбилею, не красивые эпитеты для газетной передовицы, а лишь малая толика того, чего заслуживает о себе услышать Леонид Григорьевич, гордость отечественной медицины и нашего города.

– 90 лет – красивая и солидная цифра. Леонид Григорьевич, как вы относитесь к своему возрасту?

– Стараюсь относиться философски. Иногда удается. Если бы еще удавалось обходиться без болезней, было бы совсем хорошо. У меня есть четверостишие и на эту тему: «Свои скрыть мысли не умею

И честно вам сказать придеётся:

Я радуюсь, что я старею – Немногим это удаётся...».

Долгое время я был самым младшим. Я очень спешил и поэтому в свое время поступил сразу во второй класс. Был самым младшим из 300 студентов на курсе, самым младшим на выпуске врачей. Я был самым младшим врачом в больнице, где работал после окончания Института. Наконец, в 28 лет я был самым младшим заведующим отделением, где все ординаторы были старше меня. А сейчас я вдруг оказался самым старшим. Я почти не встречаю людей старше меня. К сожалению, ушли многие мои спутники, попутчики. Потери, сплошные потери. Кого ни тронь, никого нет.

– Какие события вашей жизни являются для вас самыми важными?

– Самое болезненное, негативное, но очень яркое впечатление – это расставание с отцом перед отправкой на фронт и известие о его гибели при обороне Севастополя. Гибель отца стала самой страшной потерей. Самые позитивные впечатления – окончание института, защита диссертации, успехи во врачебной деятельности, рождение детей, внуков. У меня уже есть потрясающие правнуки, они живут в Австралии. Это огромная радость. Когда на меня по Скайпу смотрит моя 10-месячная правнучка, мне кажется, что она про меня знает все.

– Леонид Григорьевич, вы же и сами являетесь участником войны, имее-те боевые медали.

– Да, в 14 лет, с мая по октябрь 1944 года в Ташкенте я работал статистиком костно-суставного отделения в Узбекском институте туберкулеза, где лежали и раненные. А мама там заведовала рентгенологическим отделением, как и в Одессе. За это я получил рабочую хлебную карточку. Уволены мы были одним приказом и в октябре 1944 года вернулись в Одессу. А спустя годы, пройдя военную подго-

товку, являлся врачом танкового полка, лейтенантом медицинской службы, начальником управления госпитальной базы фронта (в запасе). Фронта никакого не было, но «если завтра война...».

– Родившись в семье врачей, вы с детства знали, что будете врачом?

– Нет, конечно, хотя врачами были и мама, и дядя. Я хотел быть милиционером, пожарным. Но рано поверил, что буду врачом, больше того, хотел быть военным врачом. Мама никогда мне не советовала, хотя я в точности скопировал ее профессию. Она занималась противотуберкулезной деятельностью, но меня не агитировала. Когда я сообщил, куда буду поступать, мама только спросила: «Ты хорошо подумал?» Мама полностью мне доверила это решение.

– А как случилось, что после восьмого класса вы ушли из школы?

– 1 сентября 1945 года я пришел в свою 43-ю мужскую школу и увидел, что парта, за которой мне нужно сидеть, мала, ноги не помещаются. Я пожаловался директору, ко-

торый у нас преподавал историю. Тот пообещал заменить парту. Но я по-прежнему оставался сидеть за маленькой партией. После третьей жалобы я сказал, что в школу больше не приду. И ушел. Мама переживала, но не вмешивалась. Месяц я болтался без дела, потом поступил на подготовительные курсы Строительного института. За один учебный год прошел программу двух лет и экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости за два класса на и вступительные на лечебный факультет в Медин. В то лето 1946-го я сдал 21 экзамен и в 15 лет стал студентом института.

– Ваш непрерывный трудовой стаж внушает глубокое уважение: начали работу в 1952 году, а на заслуженный отдых отправились лишь в 88 лет, в 2018 году, после инфаркта и двух операций на сердце. Последние восемь лет трудились не в родном Противотуберкулезном диспансере, а в лаборатории медленных инфекций Противочумного института. Ранее удавалось совмещать работу в двух этих серьезных учреждениях!

– У меня счастливая врачебная жизнь. Мне удалось всё в конечном счете. Грех жаловаться. У меня более ста научных публикаций. Пять профессиональных научных монографий. Я – соавтор Закона о борьбе с туберкулезом. Я – автор книги «Туберкулез: этапы борьбы, обретения и потери», которой я горжусь и которая есть во всех ведущих библиотеках мира.

Но то, что сегодня происходит в стране, меня как врача-фтизиатра не может не волновать. В советское время лечение туберкулеза было: длительное, комплексное, комбинированное, этапное – стационар, санаторий, амбулатория. Все это сегодня рухнуло. У нас разрушена противотуберкулезная служба. Не так давно в Одесской области было 26 противотуберкулезных диспансеров, только в Одессе было 6 диспансеров. Сейчас – ни одного! Мне очень больно. А ситуация с туберкулезом хуже, чем, когда провозгласили эпидемию туберкулеза. И самые высокие показатели заболеваемости – в Одесской области. При этом некоторые утверждают, что эпидемии этого хронического заболевания в Украине нет. Произошла подмена понятий: борьбы – на противоположное, а это принципиальная разница.

Имевшийся на улице Белинского диспансер перепрофилирован в Областной центр социально-значимых заболеваний. К ним отнесли: туберкулез, ВИЧ и гепатит. Я этого не понимаю: все болезни социально значимые. Разве кардиология, онкология – не социально значимые заболевания?!

На фоне COVID-19 все почему-то меркнет. Идет перепрофилирование медучреждений. Вплоть до того, что Институт туберкулеза Академии медицинских наук Украины перепрофилируют сегодня в Противокоронавирусный центр. А где будут лечиться туберкулезные больные с COVID? Их же нельзя лечить вместе с остальными.

Уверен: Ульяна Супрун, будучи министром, нанесла отечественному здравоохранению колоссальный вред. Но вместо того, чтобы привлечь ее к уголовной ответственности, ей позволяют кем-то работать здесь, в стране, которой она принесла столько вреда своими действиями. Безнаказанное вредительство! При Сталине вредителями объявляли безвинных людей. А здесь налицо настоящее вредительство, но безнаказанное.

– Что вы думаете как врач о свалившейся на мир пандемии коронавируса?

– Несомненно искусственная природа Covid-19. Это мутогенез, последствий которого невозможно предвидеть. Его свойства малоизвестны, и он преподносит сюрпризы. Ковид-скептикам, хочу объяснить, что есть электронная микроскопия, и ученые воочию видят, как выглядит Covid-19. Хочется верить, что вакцина, над которой сейчас работают ученые всего мира, будет достаточно эффективной. Но рекомендация вакцины к массовому производству – процесс долгий. Я не специалист в этой области, но предполагаю, что быстро эта общемировая ситуация не нормализуется, к сожалению.

– На этом фоне особую важность приобретает профессия медика.

– Врачи сегодня совершают героизм, показывают примеры подвижничества, рискуя жизнью и здоровьем. Меня тоже всегда спрашивали: не боитесь работать с туберкулезными больными? А в нашем медицинском сообществе это даже не обсуждалось. Я выбрал эту профессию и занимался ею всю жизнь. Врачи, медсестры, санитары, – все в зоне риска. Ведь медики противотуберкулезных учреждений болеют туберкулезом в два-три раза чаще. Можно смеяться – но ни я, ни мои коллеги никогда не носили маски. Старались держать дистанцию, да и то не всегда получалось.

– Сравнительно недавно вместе с группой ученых, математиков вы сделали серьезную научную работу – уникальный атлас. Расскажите о нем.

– Это моя идея и моя гордость – Атлас, основанный на многофакторных показателях распространенности туберкулеза в Украине. Над ним трудился целый коллектив авторов – 12 ученых, врачей, математиков. Очень надеюсь, что накопленные знания помогут моим коллегам-врачам профильных учреждений в успешной борьбе с эпидемией туберкулеза.

– Кроме профессиональных научных книг вы являетесь автором литературных произведений, успешно печатаетесь в журнальных и газетных изданиях.

– У меня вышло более 700 газетных и журнальных статей, в том числе – в альманахе «Дерибасовская-Ришельевская» и газете «Всемирные одесские новости». 16 лет назад меня даже приняли в Союз журналистов Украины. А первая моя газетная публикация вышла в «Пионерской правде» еще в 1939 году, когда мне было 9 лет. Я написал заметку о школьной военной игре «На штурм». Нас делили на роты, батальоны, а я был командиром отделения. У нас была форма, мы носили петлицы, похожие на армейские. Предчувствие войны уже витало в воздухе: «Если завтра война, если завтра в

поход, будь сегодня к походу готов». Я и сейчас являюсь членом редколлегии газеты «Доброе дело», в каждом номере которой выходит моя колонка. Кроме того, я веду блог и откликаюсь на происходящие события, даты, высказываю свою точку зрения.

– Кроме журналистских публикаций Леонид Авербух давно пишет шуточные четверостишия, называя их «лёнчиками».

– Я рифмовал всегда: в школе, в институте. Рифмы давались легко. Из-под пера выходили стишки сатирические, юмористические, злые, веселые, поздравления к дням рождения и юбилеям.

«Мне по душе сухарики, тебе по вкусу пончики.

У Губермана – «гарики», у Авербуха – «лёнчики».

Уже вышло пять книжек с четверостишиями. Там есть обо всем. В них можно найти ответ на любой вопрос.

У меня все по пять. Пять монографий, пять любимых «лёнчиков». И пять публици-

стических книг – об истории разведки, о музах поэтов.

Не так давно я издал биографическую книгу «Видел. Слышал. Знал». Инициатором ее написания была моя жена, она же ее редактировала, будучи уже тяжело больной, и успела поддержать ее в руках. Без моей жены Ирины Александровны у меня ничего не получилось бы.

– Леонид Григорьевич, ваш день рождения приходится на 31 октября, Хэллоуин, холодящий кровяной праздник. Вы это как-то ощущаете?

– И по этому поводу у меня есть четверостишие:

«Я знаю, что не я один пришел в сей мир

в Хэллоуин.

Давно известно

всем вполне:

частица черта

есть во мне».

Мистику в своей жизни наблюдаю, она связана со светом. Вот даже сегодня, ожидаю интервью, а у нас в доме неожиданно выключился свет. Подумал: как же мы будем общаться? Хорошо бы дали свет. Тут же дали свет. Другая история. В сквере Космонавтов, где я гуляю, установили около сорока торшерных фонарей. Подхожу как-то к одному из фонарей – он погас. В следующий вечер та же история. В третий раз решил подойти к знакомому фонарю. Он не горит. Но как только я подошел, он зажегся. Мистические ощущения. Была еще одна мистическая история, медицинская. У меня года два побаливали ноги. Спускаюсь как-то к морю в начале июля. А морская

31 октября 2020 года, исполнилось 90 лет Леониду Григорьевичу Авербуху.

Когда-то Маяковский задавал вопрос – делать жизнь с кого? – и сам себе отвечал – с товарища Дзержинского.

Старался делать. И чем закончилось...

Думаю правильный ответ – делать жизнь с врача от Бога – Леонида ибн Григорича.

Думаете шучу? Ни в коей мере.

Достойнейший человек.

Если бы меня спросили, какая черта характера у него основная – ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ.

Уверен, поэтому и прожил счастливо первые 90 лет.

Ему было 12 лет, когда в боях под Севастополем погиб отец.

Ему было 13 лет, когда начал работать.

В эвакуации помогал маме – врачу.

Вернувшись в Одессу, а он одессит в семи поколениях, закончил медин.

Как и мать, выбрал специальностью – фтизиатрию – болезни легких и самую страшную из них – туберкулез.

Скольких людей спас? Никто не подсчитывал. Но я знаю его бывших пациентов. Да и мне однажды, когда обнаружил опухоль в моих легких, помог.

А ведь все могло в судьбе Лени Авербуха сложиться иначе. Как он мечтал стать шпионом.

Сколько книг прочитал про разведчиков. Рвался, просился, но отказали. Форма носа не соответствовала стандарту.

Но Леонид Григорьевич человек упрямый.

Собрал картотеку у евреев – разведчиков. И в издательстве «Оптимум» выпустил книжку. Знай наших!

Как и Чехов, Вересаев, Булгаков, доктор Авербух – писатель.

Конечно, должен был написать роман «Как я не стал Штирлицем»... Когда-то в Одессу приехал Юлиан Семенов, целый день провел у нас в редакции, рассказывал о прототипах Штирлица, но Авербуха не упоминал. Так что книга о несостоявшемся Штирлице должна пополнить нас знаниями о собственных Мюллерах...

А книг у Леонида Авербуха немало. Томики стихов – «лёнчиков», краеведческие исследования, автобиографический фоліант... В нашем альманахе почти два года он публиковал очерки о музах одесских поэтов. И результат – новая книга.

Кстати, то, что Леонид Григорьевич так много внимания уделил любовницам поэтов, приоткрывает еще одну его черту – он ЖИЗНЕЛЮБ.

Как видно, и это качество помогает долго и счастливо жить.

Уверен, что впереди у Леонида Григорьевича до библиейских 120 еще тридцать лет счастливой жизни.

Планов у него множество. А он привык выполнять свои планы.

Так что, когда через десять лет будете поздравлять Авербуха со столетием, убедитесь, что не бездельничал.

И завершить это признание в любви Леониду Григорьевичу хотел бы словами Пушкина.

Поэты всегда пророки. И «наше всё» очень точно предугадал, что нужно нам сегодня:

«Подыдем стаканы, содвинем их разом!

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Ты, солнце святое, гори!

Как эта лампада бледнеет

Пред ясным восходом зари,

Так ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред солнцем бессмертного ума.

Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Дорогой Леонид Григорьевич, а еще точнее – Лёня, до 120 в здравии, в творчестве, в любви.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ:

Беседовала
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

Ветер с моря в Праге

В пражском Доме национальных меньшинств состоялась презентация двух новых книг Евгения Деменка, изданных в 2020 году. «Свежий ветер с моря. Записки одесского путешественника» вышла из печати в издательстве «Фолио» в июле. А весной московское издательство «Молодая Гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» подготовило и выпустило в свет двухтысячным тиражом том «Давид Бурлюк: Инстинкт эстетического самосохранения».

Одессит Евгений Деменок живёт сейчас в Праге, но, как истинный патриот, ведёт активную просветительскую и общественную деятельность в своей родной Одессе. Один из создателей литературной студии «Зелёная лампа» при Всемирном клубе одесситов, Евгений является членом Президентского Совета ВКО. При его участии прошёл «Форум одесской интеллигенции». Выступает и как меценат: по его инициативе в Одессе установлены мемориальные доски деятелям литературы и искусства – Юрию Олеше, Кириаку Костанди, Михаилу Врубелю, Алексею Кручёных, Давиду Бурлюку.

Необычный формат презентации двух, на первый взгляд, различных по жанру сочинений, предложенный Деменком, объясняется очевидным совпадением авторских интересов. Это два увлечения – путешествия и искусство. Евгений часто путешествует, а живя в Праге и будучи знатоком искусства, он не мог не заинтересоваться семьёй Давида Бурлюка, в частности, его младшими сестрами Марианной и Людмилой, которые волею обстоятельств тоже оказались в

чешской столице. Ещё в 2013 году на основе документов из их семейного архива он написал книгу «Новое о Бурлюках». Книга нашла отклик у читающей публики, и логичным образом, как продолжение темы, вышла его работа о самом Давиде Бурлюке: о жизни в разных странах, о приездах в Прагу, о путешествиях.

«Меня часто спрашивают – почему Бурлюк?» – сказал Евгений в начале презентации. «Во-первых, величина его масштаба остаётся до сих пор не понятой. Даже если не принимать во внимание почти 20 тысяч написанных им полотен и тысячи стихотворений, он сделал для развития русского и украинского авангарда столько, что диву даёшься. Он открыл Маяковского как поэта. Именно он дал Алексею Кручёных идею для написания самого знаменитого его стихотворения, «Дыр булл щыл». Именно он издал первый том сочинений В.Хлебникова. Именно он с Михаилом Ларионовым организовал самую первую в истории русского авангарда выставку «Венок-Стефанос».

Во-вторых, биография Бурлюка до конца не была изучена и описана. За свои неполные восемьдесят пять лет жизни он успел пожить и прославиться в трёх странах: России, Японии и Америке. И никто ещё не сводил в одной книге все детали его биографии.

Ну, а в-третьих, у меня оказалось немало никем ещё не изученных и описанных документов из архива его сестёр. Более сотни писем, его дневники, стихи, журналы... А писать, будучи первооткрывателем, очень интересно».

Конечно, личность Давида Бурлюка, его творческое влияние и наследие неоднократно привлекало внимание общественности. В ряду значимых работ стоит упомянуть, в первую очередь, книгу о Бурлюке и русских футуристах его сподвижника Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец». Затем в 1944 году в США была опубликована первая монография о Бурлюке, написанная известным коллекционером Катрин Дрейер. А недавно в России издан альбом Владимира Полякова «Художник Давид Бурлюк». Во всех работах, безусловно, есть и биографические данные, и исследования о художественных или поэтических достоинствах произведений футуриста Давида Бурлюка. Но основным мотивом, которым руководствовался Евгений Деменок, было желание написать прежде всего о нём самом, о его семье, ввести в научный оборот его письма, дневники, рукописи, то есть ту информацию, которая раньше не публиковалась. И это ему блестяще удалось.

Рассказывая о работе над данной книгой, автор подчеркнул, что Давид Бурлюк смог стать успешным, несмотря на все жизненные коллизии и перипетии. Его энергии и предприимчивости, умению находить таланты, его любви к искусству можно только позавидовать. Сначала – знаменитое турне кубофутуристов, затем – «Большое сибирское турне». Покорение Японии – там он дал толчок развитию японского футуризма. И вновь испытание – Америка, огромная, не готовая ещё принять новое искусство. Двадцать лет понадобилось

Давиду Давидовичу, чтобы покорить и её.

Когда Бурлюк в 1922 году уезжал – как оказалось, навсегда – в Америку, он думал, что и эта страна примет его с распростертыми объятиями. Но ему понадобилось долгих двадцать лет, чтобы добиться признания. Пришлось начать всё с нуля, бороться за выживание – иногда даже нечем было платить за жильё. Но природное трудолюбие, талант и умение организовать жизнь вокруг себя позволили ему достичь успеха. Его картины приобретали американские знаменитости, такие, как Гершвин; он активно общался с Генри Миллером, Роузэллом Кентом, сотрудничал с ведущими галереями. Бурлюк нащупал то, что оказалось интересным американцам – это было в первую очередь наивное искусство. Достигнув благополучия и став успешным в Америке, Давид Бурлюк жаждал признания и на родине. Он переживал болезненно тот факт, что его недостаточно знают в Советском Союзе. И хотя ему довелось побывать в СССР дважды, в 1956 и 1965 году, никто и не подумал вернуть ему его работы из запасников музеев, которые он сам никогда туда не отдавал. Его стихи не публиковались, на родине никто не обирался популяризировать его творчество.

Давид Бурлюк прожил долгую жизнь, она была соткана из взлётов и падений, но всегда была насыщена и творчеством, и путешествиями. Когда-то они с Владимиром Маяковским сговорились, что совершат кругосветное путешествие. Давид Давидович свое обещание выполнил, свою кругосветку

он совершил в 80 лет.

Об этом и многом другом рассказывает в своей книге Евгений Деменок. Так же, как его герой, он любит путешествовать и рассказывает об этом читателям в своей книге «Свежий ветер с моря». Вы бывали в Австрии, в Греции, в Италии? А в Никарагуа или в Коста-Рике? Сопоставьте свои впечатления с впечатлениями Евгения Деменка. Я уверена, что пытливый читатель и путешественник все равно найдет в его путевых заметках нечто новое и интересное, то, что сам мог вовремя не заметить. Вам откроется возможность вместе с автором побывать в четырнадцати странах. Не сомневаюсь, что взгляд знатока искусств, любознательного коллекционера свежих знаний Евгения Деменка никогда не будет лишним.

И в заключение замечу: Евгений Деменок в 2018 году стал лауреатом премии Международной ассоциации имени отца русского футуризма Давида Бурлюка, учрежденной в 1990 году Академией Зауми. Премия присуждается ежегодно за достижения в области современного авангардного творчества, а также за исследования об историческом и современном авангарде и популяризацию направления.

Прочтите его книги. Они о сложном, но написаны просто и доступно и будут интересны широкому кругу читателей. А для кого-то, может быть, послужат стимулом узнать больше о русском авангарде, об «отце российского футуризма», или станут поводом для занимательного путешествия по городам и странам.

Линаида ДАВЫДОВА,
историк.

Код доступа

33 морских камушка. Ровно столько было раннеутренних летних заплывов на любимом пляже на 12-й станции Фонтана в этом году. За три года, с тех пор, как мне все-таки удалось преодолеть лень и научиться встречать утро на море, которое в Одессе всегда рядом, все стало родным и привычным в этом удивительном месте, где, доплыв до волнореза, ты видишь, освещенные ласковым утренним солнцем, золотисто-розовые купола. По левую руку – купола Свято-Успенского мужского монастыря, по правую руку – купол храма Марии Магдалины на 9-й станции.

А когда поднимаешься на Большую Фонтанскую дорогу, то выходишь к барельефу Анны Ахматовой. Здесь, где-то в глубине аллеи стоял дом, в котором родилась Анна Горенко. Я привычно притрагиваюсь к холодной мраморной руке и всегда теплому ее плечу, умываю Анну влажными салфетками, стирая уличную пыль и паутину, повторяю про себя строчки Марины Цветаевой: «... В утренний сонный час, кажется, четверть пятого, я полюбила Вас, Анна Ахматова» (естественно, я приходила сюда совсем не в четверть пятого, а часа на три позже).

Иногда я безмолвным шепотом тщеславно пристраивалась к ее страданному: «Я научилась просто, мудро жить, смотреть на небо и молиться Богу...». Радуюсь возле каменной Анны обнадеживающим

изменениям: ей стали чаще приносить цветы, и я не одна теперь летом «дежурю по Анне», кто-то тоже стал отирать пыль и паутину с ее лика.

И, как все одесситы, не могу сдерживать гнева от других изменений: склоны застраиваются уродливыми многоэтажками (и дело тут не в эстетике этих, с позволения сказать, сооружений, а в том, что здесь они предельно уродливы и неуместны. И не будет счастья, покоя, радости тем, кто рискнет стать их обитателями).

Летние утренние купания стали привычны как воздух, как глоток воды, как солнечный свет. Привычно уплываю далеко-далеко, на что мои знакомые – тоже раннеутренние купальщицы, мирно плещущиеся возле берега и изошряющиеся в йогоской гимнастике, так же привычно спрашивают: ну как там, в Турции?

А я в своей благословенной Турции, начинающей прямо за волнорезом, читаю вслух любимые стихи и «ору» любимые песни, не страдая от отсутствия слуха и голоса, оставляя право на страдания от моих неблагоприятных музыкальных экзерсисов чайкам, бакланам и, конечно же, восхитительной красоты медузам. От последних пару раз получала за это обжигающие, охлаждающие мой пыл, но не очень опасные ожоги.

Было удивительное впечатление, когда мое утреннее купание совпало с начавшимся еще накануне вечером

фестивалем танго. Танго продолжало звучать утром на весь пляж, я теперь не сомневаюсь, что танго как никакая другая музыка идет морскому побережью. Я могла подплыть близко-близко к белому павильону, который каждое лето возводят на причале пляжа, и видеть танцующие пары в полном конкурсном вооружении. Как не почувствовать себя андерсеновской Русалочкой, заморожённо заглядевшейся в мир людей.

А вот самое яркое, пронзительное впечатление. В одно туманное утро я «потеряла» мои купола монастырского собора, которые всегда так ярко видны и освещены утренними лучами. А тут как будто кто-то резиновой стер, кто-то бесконечно любимый и близкий закрыл доступ к своей страннице, если говорить привычным нам сегодня языком. Я испугалась

не на шутку и стала вглядываться изо всех сил, пыталась что-то сделать с глазами, снова научить их видеть. Туман пощадил меня и как-то визуально намекнул на то, что купола не пропали, показались смутные силуэты, которые постепенно становились все отчетливее. И я снова смогла дышать и плавать. Снова смогла жить. Подумалось, что доступ не закрыт, а ограничен, ограничен не кем-то, а мной самой, собственными иллюзиями, туманами, тщеславием и еще массой всего ненужного и натужного.

И не мне знать, откроется ли когда-нибудь Код доступа... А пока с благодарностью за все щедрые дары этого лета кидаю свои 33 камушка в лето следующее.

Инна ГОЛУБОВИЧ,
профессор,
доктор философских наук

2 НОЯБРЯ В АМЕРИКАНСКОМ НЬЮ-ДЖЕРСИ НА 94-М ГОДУ ЖИЗНИ
В БОЛЬНИЦЕ УМЕР ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ АРКАДИЙ ЛЬВОВ.

Евгений Голубовский Трубадур одесского двора

Песенка Булата Окуджавы так легко переосмысливается в судьбе Аркадия Львова. Двор в Авчинниковском переулке, где прошли его одесские годы, стал не только темой, но и смыслом его творчества, ввели в большую русскую литературу, в её «дворянский сан».

Аркадий Львов чувствовал Одессу, любил её, понимал одесский язык. А его почти нигде в родном городе не печатали. Почти... Потому что была «Комсомольская искра», которая делала вид, что не понимает «какое, милье, у нас тыщелетье на дворе». И редакторы, сменяясь, как эстафетную палочку, передавали газете прозу Аркадия Львовича Бинштейна, укрывшегося под псевдонимом «Аркадий Львов» от бдящего ока цензуры.

А потом Аркадия Львова полюбила Москва. Конечно, не вся Москва, но В. Катаев, Б. Полевой, А. Твардовский, К. Симонов. Этого было достаточно, чтобы печататься в самой многотиражной газете «Неделя», быть принятым в московское отделение Союза писателей. Одесские прозаики не замечали коллегу, а когда он им слишком надоел пребыванием в столичной литературе, пошли доносы. Аркадий Львов, докладывавший его коллеги, — главарь сионистского подполья в Одессе, представитель клуба «Бабель» в Варшаве.

После четвёртой «беседы» генерал Куварзин, возглавлявший одесский КГБ, сквозь зубы скажет: «Не подтвердилось». Тем не менее, его изгнали из родного города.

Одно из самых страшных воспоминаний. Хоть рукописи романа ему разрешили вывезти, таможенник по листу разбрасывал книгу. К молодому офицеру подошёл сослуживец, ветеран, и тихо сказал: «Ты охмул? Ведь ты человеческие мозги пускаешь по ветру!». Разные были люди. Это навсегда запомнил Аркадий. И его эмигрантские рассказы не желчные, а мудрые, как и велит Одесса.

В эмиграции был дописан роман «Двор», принёсший ему успех, славу. Вот только два отзыва. Нина Берберова: «Аркадий Львов — явление уникальное в американском, да и не только американском русском зарубежье...». Айзек Башевис Зингер, лауреат Нобелевской премии: «Двор» — наивысшее достижение Аркадия Львова и, одновременно, одно из самых фундаментальных произведений современной литературы».

Аркадий Львов покинул Одессу в 1976 году. Работал в Вильсоновском и Гарвардском центрах. С 30 ноября 1976 года его голос зазвучал на радио «Свобода». Он работал для русской и украинской редакции, так как знал языки и проблематику. За эти годы, кроме создания рассказов, романов, писатель выпустил 8 000 программ — это 20 000 страниц текста!

В 1990 году, когда появилась возможность приехать в СССР, он прилетел в Москву, а затем в Одессу. Родной город притягивал. Это была основа его литературы, здесь жили герои его «Двора». Сколько раз он приезжал за эти годы в Одессу — не сосчитать. Когда-то секретарь обкома партии Лидия Всеволодовна Гладкая иронически говорила ему, что писатели жалуются — он «непристойно много пишет». Отшутился: «Жизнь не удалась, нужно работать на бессмертие».

В декабре 2002 года Аркадий Львов решением жюри при горсовете стал «Одесситом года». Роман «Двор» возвёл его в литературное дворянство. Он отплатил ему тем же, прославив Одессу, Авчинниковский переулок на весь читающий мир.

В Одессе вышел шеститомник Аркадия Львова. Издательство Ивана Захарова в Москве выпустило отдельной книгой две части «Двора». Можно уже жить с гонораров, со славы. А писатель «непристойно много пишет». И звучит

его голос на «Свободе», и знакома с ним каждая семья, новые поколения семейств его двора.

— Аркадий, первый том твоего собрания сочинений начинается не ранними рассказами, а именно романом «Двор», очень значимым произведением — о жизни не только двора, — страны, о каждом из нас. Что для тебя главное в романе?

— Главное — наша жизнь, какой она была на самом деле. Свои ранние рассказы я делал в форме исповедальной прозы. Но в 1968 году я поставил себе задачу: написать роман отстраненно — жизнь должна рассказывать самое себя. Я отчётливо помню, как я сказал Константину Симонову, человеку, который много для меня сделал, что хочу написать роман о жизни простых людей. Но вот название не могу придумать — «Мой двор», «Твой двор»... Он остановился и, слегка грассируя, ответил: «Двор»! Просто «Двор»! Огромный, как вся империя». Ну, дальше я сказал, что, по моему видению, советская власть крепка тем, что в каждом дворе есть свой дворовый Сталин. Я не писал политическую вещь. Все разговоры о политике приносились теми, кто занимался политикой. А люди простые жили заботами дня: «А вы читали в газете?.. А вы слышали?..». Помню, ребёнком я услышал:

— Вы знаете, итальянцы бомбили Аддис-Абебу.

— Как?

— Слушайте, Аддис — это же почти Одесса, а Беба — это Беба, что там ещё объяснять!

Так я ребёнком узнал, что все страны находятся рядом с Одессой. У нас даже было соревнование: мы залазили на крышу дома и смотрели, кто первый увидит Турцию.

— Ваш дом — это Авчинниковский переулок, номер...?

— Четырнадцать — угловой дом, а по Троицкой это был пятьдесят четвёртый номер. Это дом Котляревского, где ещё были одесские биндюжники. Среди них был такой Шломо Баренгауз. Мне было шесть лет, когда он посадил меня на свою подводку и повёз в порт. Меня поразило, что со своими лошадьми он разговаривал на идиш. Я спросил:

— Дядя Баренгауз, они что, не понимают русского языка?

— О, если бы ты знал русский язык так, как они, то был бы второй Карл Маркс.

Вот такие были разговоры, можно сказать, с политическими мотивами.

— Тебе удалось вывезти роман. Его издали на многих языках. У некоторых получилось устроиться на Западе, у других нет. Как это получилось у тебя? Только оттого, что ты великолепный журналист и работаешь для «Радио Свобода»? Или потому, что у тебя была твоя проза, которая издавалась?

— Журналистом я стал не совсем по доброй воле — надо было зарабатывать на жизнь. На «Радио Свобода» я был единственным автором, который писал на двух языках. Но мой писательский язык, естественно, русский. Но писать я начал с американских рассказов. Когда я опубликовал «Инструктаж в Риме», был буквально скандал, потому что я описал, как в Риме принимали евреев. Это резко отличалось от того, что писали в газетах и как люди себе представляли. Жизнь была суровее. Первое время для меня было дорого поехать на метро. Я должен был точно рассчитать, сколько кварталов надо пройти — если десять-двадцать, то, конечно, пешком. А попробуй в Одессе «двадцать кварталов пешком» — это можно весь город обойти. Были знаковые встречи. Одна из них — с моим кумиром Айзеком Азимовым. Мне дали его домашний номер, я позвонил, представился. Оказалось, он знал моё имя.

— Ну, это совершенно нормально, ведь Стругацкие писали предисловие к твоим книгам.

— Нет, Айзек Азимов рецензировал сборник советской фантастики на английском языке. Там был мой рассказ о школе будущего, где мальчик общается не с учителями, а с машинами, с электронным учителем. Мой товарищ в Москве Давид Полторак работал тогда в Институте общеполитехнического обучения Академии педагогических наук, и он сказал, что это абсурд — учителя-машины. А спустя тридцать лет написал мне: «Как ты мог тогда предвидеть?». Азимов написал тогда эссе «Новые учителя». Он пригласил меня на конференцию писателей-фантастов. Это было для меня огромное событие. Три с половиной тысячи фантастов заполнили весь отель «Хилтон»! Азимов ввёл меня в это общество.

Мои рассказы начали переводить на английский язык. Я пытался опубликовать «Двор», но ничего не получилось. Первое издание «Двора» вышло в Париже на французском. К этому, кстати, был причастен покойный Виктор Некрасов: он меня рекомендовал. Потом, когда уже в Америке переводили роман, то Айзек Башевис-Зингер согласился написать специально к роману текст. В 1985 году я получил, благодаря французским изданиям, место в институте Международного Вильсоновского центра. Моим директором был Джим Биллингтон, позже возглавивший библиотеку Конгресса. Он мне рассказывал, что над комнатой, которую мне выделили, был наблюдательный пункт Линкольна во время Гражданской войны. И вдруг он бросает фразу, которая меня поразила: «Аркадий, Одесса — это же не город, это же страна».

Они очень чётко выделяли Одессу. Когда Украина получила независимость, меня некоторые не очень образованные американцы спрашивали:

— А где это — Украина?

— Ну, Чёрное море... ну, что ещё... Одесса.

— А, Украина — это там, где Одесса! — всем становилось все ясно.

— Ты сумел сразу попасть в круг крупных американских писателей. И тебе посчастливилось общаться с Довлатовым, Бродским. Хотя пару слов о твоих встречах с ними.

— По приезде я стал печататься в газете «Новое русское слово». Редактором был Андрей Седых — Яков Моисеевич Цвибах. Многие упоминают его как секретаря Бунина, но он был его секретарем только на Нобелевской процедуре. С Сергеем Довлатовым мы десять лет работали бок о бок. Довлатов печатал, в основном, написанное в Союзе. Там он написал «Иностранку», ещё несколько вещей... Он был занят на «Радио Свобода». Тем, что его стали печатать в Нью-Йорке, он обязан Бродскому.

Бродский был очень популярен. У меня с Бродским не было особо близких отношений, но я его хорошо знал. Я предложил ему написать очерк о нём для книги о еврейской ментальности. Бродский мне сказал: «А какое отношение я имею к еврейству?». Он, кстати, ни разу не был в Израиле. Но случилось так, что его смерть опередила мои намерения. Уже после его смерти я написал большой очерк, страниц на семьдесят. Я заинтересовался эллинистическими корнями творчества Бродского, его римскими мотивами. Откуда это у Бродского, сына советского служащего...

— Ну, он сам себя сделал.

— Конечно, но он шёл от Мандельштама. Могу рассказать такой случай. Когда я работал в Русском институте в Гарварде, Бродский получил Нобелевскую премию и приехал к нам. Я публично задал ему вопрос: «Кому вы больше всего обязаны своей поэзией, если говорить об истоках?». Он сказал: «Мандельштаму. Это самый большой поэт XX-го века». Потом, через неко-

торое время ему опять задали этот вопрос, он говорит:

— Нет, я поправлюсь: самый большой поэт XX-го века — Марина Цветаева.

— Но вы же только что сказали...

— Да? Я говорил? Может быть...

— Аркадий, ты в Одессе для того, чтобы собрать, находишь ли ты в сегодняшней Одессе людей, которые помогают тебе оживить и расширить круг памяти для твоих книг?

— Конечно, это прошлое, но осталось ещё нечто от того времени. Моё правило: там, где речь идёт о конкретных событиях, которые имели место в истории, надо быть абсолютно точным.

— Как сегодня тебя воспринимают в твоём дворе? Тебя ещё кто-нибудь узнает?

— Несколько лет назад ещё оставались люди, которые делали мне «еврейский комплимент»: «Слушайте, а вы не изменились», — я понимал, что постарел. Да и двор сам тоже изменился — его застроили. Но, так или иначе, это родное место. Во мне происходит некоторое раздвоение: с одной стороны — Одесса, которая живёт во мне, с другой — Одесса, которая открывается моим глазам. Я пришёл на Греческую площадь и увидел это новое здание. Мне приятно, что нижняя часть здания создана по историческим эскизам, но надстройка меня корбит. Хочется, чтобы сохранились архитектурные приметы XIX-го века.

— Как изменилась Одесса за годы перестройки?

— Для меня Одесса — это средиземноморский город. Я это и до отъезда понимал, а после того, как побывал в Барселоне, Неаполе, Генуе, Марселе, убедился в этом совершенно отчётливо. Атмосфера очень близка. Это особое дружеское расположение ко всякому человеку. Даже скандальные сценки отмечены семейным началом: я вас знаю, вы меня знаете, так что вы тут мне не рассказывайте. Это характерная черта Средиземноморья.

— Удивляюсь, почему в Одессе нет «Коза ностры»?

— Потому, что людей, пригодных для этого дела, ликвидировали. Помнишь, у Бабеля — Фроим Грач.

— Кстати, о Фроиме Граче. Мне всегда казалось, что ты вырос на советской литературе, Катаеве, Симонове. Но я понимаю, что без Бабеля не было бы писателя Аркадия Львова. Например, «Горячее солнце Одессы»... Бабель говорил, что в русскую литературу вливается этот солнцепек Одессы, и он даст свои плоды. Ты прочувствовал это сам или в основу твоего мироощущения легли книги Бабеля?

— Они они отвечали моему мироощущению. Но если говорить о художественной ткани, то действительно заставлял вибрировать струны моей души не «Беллет парус одинокий», а, конечно же, бабелевские рассказы. Хотя я прекрасно понимаю, что «Одесские рассказы» — это стилизация, а гениальна, с моей точки зрения, «Конармия». «Одесские рассказы» — это миф.

— И твой «Двор» — это тоже миф. Мифотворцам слава!

Анатолий Горбатюк

Об истинном покорителе Измаила в декабре 1790 года

...Идея Иосифа де Рибаса создания Черноморской гребной флотилии из затопленных турецких лодок сразу же вызвала многочисленные насмешки. А.В.Суворов тоже оказался поначалу среди скептиков. Вскоре последние были посрамлены: флотилия, созданная в конце 1789 года, покрыла себя неуязвимой славой победоносными действиями на Дунае и активным участием во взятии Измаила в декабре 1790 года. Командиром флотилии с экипажем из черноморских казаков был сам Иосиф де Рибас. Его брат Эммануил командовал размещенным на лодках флотилии отрядом гренадеров. И здесь обратимся к замечательной поэме Д.Байрона «Дон Жуан», где 7-я и 8-я песни посвящены штурму Измаила и благодаря использованию Байроном сербнейших первоисточников, несут документальный характер, где читаем:

...И к де Рибасу вмиг помчался бей, спеша

Уведомить, что флаг готов спустить наша...

Речь явно идет о капитуляции. Так почему же глупый бей, видимо, все перепутав, спешит к де Рибасу? Ведь безоговорочно известно, что покоритель Измаила – Александр Суворов, и только он! Эту, ставшую прописной, истину легко обнаружить в любом учебнике – как досоветских, так и советских времён. Оказывает, все далеко не так просто. И то, что хорошо знали участники описываемых событий, должны узнать и люди нынешнего поколения: кто всё же является истинным покорителем Измаила. И напомним: Байрон в качестве исторической подосновы использовал, в первую очередь, изыскания Габриэля де Кастельно, «автора одного из первых фундаментальных трудов по истории Новороссии и близкого друга герцога Ришелье», по словам признанного специалиста по истории нашего края Е.В.Полевщиковой.

Мы же возвращаемся под стены турецкой твердыни на Дунае.

...Очевидцы и участники тех событий единодушны: именно казаки Чепеги и Головатого, а также гренадёры-десантники под командованием Эммануила де Рибаса, составляющие экипаж Черноморской гребной флотилии при руководстве Иосифа де Рибаса, – именно они решили исход штурма Измаила. Де Рибас, справедливо полагая, что Измаил, находящийся в фактической блокаде, нужно немедленно брать штурмом, написал несколько рапортов на имя Г.А.Потёмкина:

«И русский генерал, известный де Рибас,

Упорно требовал от генералитета Назначить общий штурм, но получил отказ...», – подчёркивает Байрон.

Граф де Ланжерон позднее писал по этому поводу: «Смелость предприятия адмирала де Рибаса, быстрое покорение Тульчи, потом Исаки дали основания думать, что попытка взять Измаил может иметь успех». Потёмкин же, несмотря на настойчивые указания Екатерины быстрее покончить с турками, медлил. Во-первых, он очень сомневался в успехе штурма, считая Измаил неприступной крепостью. Во-вторых, он и мысли не допускал, чтобы иностранец Рибас поставил победную точку в затянувшейся кампании. В-третьих, Потёмкин, с некоторых пор, резко изменил своё отношение к нему, на что была весьма веская причина личного характера – ревность. Старейший Потёмкин получил основания видеть в де Рибасе серьезного

соперника в его отношениях с императрицей. Кроме того, определённую роль сыграла и депеша коменданта крепости султану, беспокоящемуся о её судьбе, перехваченная казачьим разведом. «Скорее Дунай потечёт в обратном направлении, нежели неверные овладеют Измаилом», – писалось в ней. И текст депеши – не пустое бахвальство. Крепость была защищена земляным валом, высота которого составляла 4 сажени, а вокруг вала был выкопан глубокий ров. На нем находилось не менее трехсот орудий. Гарнизон крепости насчитывал 35 тысяч хорошо подготовленных воинов, и ее вполне можно было считать неприступной.

Видя «непробиваемость» высшего руководства, Рибас решает на отчаянный шаг – самостоятельно штурмовать Измаил, сумев привлечь на свою сторону и сделав единомышленником казачьего атамана Матвея Платова – будущего героя Отечественной войны 1812 года...

...Густой туман, сменившийся мокрым снегом, помешал де Рибасу в назначенный им день идти на штурм. Тут ещё М.И.Кутузов, ябедник, прослышав о секретном плане, поставил в известность о нём А.В.Суворова, а тот, в свою очередь, – главнокомандующего Г.А.Потёмкина. После страшнейшего скандала принимается план... Рибаса, но с коррективами – штурмом должен руководить обязательно русский генерал, для чего под Измаил за восемь(!) дней до окончательного установленной даты приступа, когда уже оговорены важнейшие детали, прибывает А.В.Суворов. Открывая военный совет, он шуточно грозит пальцем де Рибасу и, кивнув в сторону М.И.Кутузова, произносит ставшую знаменитой фразу: «Его и Рибас не проведёт!».

...Штурм крепости состоялся 11 декабря 1790 года. Как справедливо пишет профессор А.О.Добролюбский, он «...описан многократно, но тенденциозно... Атака главных сил русских войск была задумана как отвлекающая. Основную задачу должен был решать флот (курсив мой – А.Г.)».

События разворачивались следующим образом. Части, руководимые Кутузовым, при попытке захватить расположенный в западной части крепости бастион, откуда турки вели прицельный огонь по прилегающей местности, были отброшены. Без решения этой задачи не могло быть и речи об овладении крепостью. Но казавшийся неприступным бастион был всё же взят, – но не с суши, а с Дуная. Это сделали казаки Чепеги и Головатого и морские гренадёры Эммануила де Рибаса (среди них были Ришелье и Ланжерон). Руководящий их действиями Иосиф де Рибас проявил и личную доблесть, со шпагой в руках первым ворвавшись на бастион. Крепость пала. И теперь понятно, почему именно к Рибасу мчался не такой уж и глупый бей...

Соответственно личному участию последовали награды. Суворов, чьё непосредственное участие во взятии Измаила было лишь «ритуальным» (выражение А.О.Добролюбского), производится в подполковники Преображенского полка (полковником была сама императрица); Ришелье за личное мужество награждается Св.Георгием 4-ой степени и золотой шпагой; М.И.Кутузов – Св.Георгием 3-ей степени. Де Рибас же (вниманию!) получает Св.Георгия 2-й степени (этим орденом награждают тех, «кто, лично предводительствуя войском, возьмёт крепость» (курсив мой – Автор). Такую награду имели толь-

ко восемь офицеров российского флота. Кроме того, ему вручается шпага, усыпанная бриллиантами. В добавление к этим высочайшим наградам Рибас получает право на владение имением в 800 душ в Могилёвской губернии.

«...На третий день после штурма генерал Суворов обедал на борту корабля де Рибаса и высказал много комплиментов, приписывая ему, Рибасу, и не без основания, наибольшую долю чести этого подвига». Приведённая фраза принадлежит Ришелье – человеку, чья честность ни у кого сомнений никогда не вызывала. Как видим, великий полководец Александр Суворов, обессмертивший свое имя во множестве выигранных им сражениях, не нуждается в приписывании ему подвигов, которые он не совершал...

«Если посмотреть на изображение дореволюционного герба Измаила, – пишет А.Добролюбский, – то можно увидеть казацкую чайку на волнах Дуная, «кавальер» (ту самую каменную башню – А.Г.), казацкую саблю и поверженный мусульманский полумесяц. А также знак Георгиевского креста. Составители герба знали, кто был главным действующим лицом при штурме Измаила – Черноморские казаки и десантники-гренадёры под командованием Иосифа де Рибаса».

Ланжерон при штурме Измаила находился в первой десантной колонне (всего таких колон было три), которой командовал генерал-майор Николай Дмитриевич Арсенев, попавшей под шквальный огонь турок. Получил легкое ранение, но, как вспоминал А.В.Суворов, «...оказал отменную неустранимость в атаке неприятеля», за что награжден золотой шпагой, на которой значилось: «За храбрость».

«Французские волонтеры покинули Измаил с ощущением исключительности приобретенного ими опыта – и военного, и человеческого. Они были свидетелями настоящей бойни (приказ Суворова был «взять Измаил любой ценой»), героизма солдат и офицеров, но и мелочной зависти генералов русской армии к успехам друг друга и интриг при «дворе» Потемкина». Это мнение Е.Полевщиковой. Трудно не согласиться...

Штурм Измаила и все события, связанные с ним, оставили глубокий след в мировоззрении французов – участников штурма. В своих воспоминаниях, в частности, в «Записке о штурме и взятии Измаила русскими 21 декабря 1790 года г-на Ланжерона, французского офицера, волонтера русской армии», датированной 7 марта 1791 года, он тщательно анализирует как ход подготовки к штурму, так и сам штурм. Ланжерон достоверно описывает потери русских войск и неприятеля. «Штурм, предпринятый в Измаиле, – пишет он, – кровавое событие, превосходящее даже штурм Очакова». И далее: «Этот бой продолжался пять часов: турки были изгнаны с крепостных стен; они забаррикадировались на улицах, и каждый дом был осажден. Наконец в полдень четыреста турок (оставшихся из тридцати тысяч, защищавших город) сложили оружие, и бой прекратился. Последовавший страшный грабеж закончился лишь на следующий день. Почти во всех колоннах мы потеряли треть убитыми и ранеными, а в одной – две трети. На 23 тысячи участников штурма приходилось от 6 до 7 тысяч жертв... Обеспечив русским столько преимуществ для последующей кампании, взятие Измаила вынудит турок заключить мир. Потребовалось

несколько дней, чтобы убрать трупы, которыми были заполнены рвы, земляные валы, улицы и большие площади. Не могло быть и речи о том, чтобы спасти раненых, почти все были безжалостно добыты. Были пленные, которые при виде этой жуткой бойни умерли от страха...»

Пагубное впечатление от чрезмерной жестокости победителей высказывали и другие участники штурма, в частности, друг Ланжерона герцог Ришелье. «Прискорбно, что этот триумф стоил такой крови и что он был осквернен беспримечной в истории резней...», – напишет он в своем «Дневнике».

Заканчивая рассказ об историческом штурме Измаила 21 декабря 1790г., Автор не может не подивиться тонкостям российской дипломатии вокруг этой крепости на Дунае, игравшей стратегическое значение не только для Османской империи, но и для России. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. отдельный корпус под командованием генерала Н.В.Репнина берет эту крепость, которая в течение полугода становится базой российской Дунайской флотилии. На обустройство такой базы затрачиваются колоссальные людские и финансовые ресурсы. Проходит три с небольшим года, и в июле 1774 года заключается Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по условиям которого Измаил... возвращается Турции.

Взятие Измаила в декабре 1790 г., по мнению специалистов, заставило турок искать скорейшие пути к завершению этой войны. Забегая вперед, отмечу: мирный договор будет подписан с большими привилегиями для России в декабре 1791 г. в Яссах. Кстати, с российской стороны, в числе других, договор подписал и Иосиф Михайлович де Рибас. Мог ли он почувствовать тогда, что через несколько лет, на закате лета 1794 года, на землях, полученных Россией в результате подписанного им договора, он станет главным основателем прекрасного города – Одессы?.. Но вот Измаил – вновь возвращается Турции. И свою «прописку» этот город на Дунае будет еще не раз менять. Сложное, все-таки, это дело – дипломатия. Пьер Буаст, знаменитый французский философ и лексикограф, современник тех событий, глумливо замечает: «Чернила дипломатов легко стираются, если они не посыпаны пушечным порохом»...

«Самый замечательный штурм, который, по-моему, когда-либо происходил. Я рад и счастлив, что участвовал в нем, но был бы весьма расстроен, если бы пришлось опять увидеть это зрелище», – напишет в своих мемуарах граф Роже де Лама, впоследствии губернатор Лиона.

А для Ланжерона, как утверждали его современники и что явствует из оставленных им мемуаров, 1790-й год являлся главным годом всей его жизни...

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Вот и подходит к концу этот странный и тяжёлый год. Любителей спорта бросало то в жар, то в холод. Ещё ранней весной болельщики предвкушали матчи лучших команд континента на финальном этапе футбольного чемпионата Европы и непредсказуемые итоги токийской Олимпиады. Но грянул карантин. Все остановилось. Главные турниры года перенесли на следующий. Организаторы отменили множество международных и внутренних соревнований. Атлеты застряли дома, не понимая к чему и как им готовиться. Однако, летом карантинные меры ослабили, и спортивная жизнь вновь забила ключом.

Одесские спортсмены не стали исключением. Наперекор обстоятельствам представители десятков видов спорта готовились к турнирам и искали любую возможность проверить свои силы. В этом обзоре мы поговорим о многоликости спорта и успехах наших земляков. Кое-кто интересуется разве что футболом. Но о нем скажем позже. Там, кстати, новый сезон пока протекает успешно.

Ведущие атлеты Одесщины продолжают подготовку к Олимпиаде-2020, которая должна состояться летом...2021 года. Из последних успехов я бы выделил победу Анастасии Тодоровой на Кубке мира по гребле, где она в очередной раз подтвердила свой класс.

Поддержали свой имидж лидеры и наши борцы Владлен Козлюк и Василий Михайлов. Все еще надеются

Аркадий Рыбак НАПЕРЕКОР ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

на олимпийские лицензии фехтовальщица Алена Кривацкая и Алина Комашук, саблист Андрей Ягодка. У каждого из них солидный послужной список выступлений за сборную страны и даже олимпийских стартов.

Целую школу мастеров создал за последние годы олимпийский чемпион по стендовой стрельбе Николай Мильчев. Кстати, недавно он отметил 20-летний юбилей своей победы в Сиднее. Ветеран продолжает успешно соревноваться сам и готовить молодежь. Сегодня в стране нет более продуктивного центра, где бы подготовили столько чемпионов. Назову только Алексея и Вячеслава Науменко, Ирину Маловичко, Николая и Веронику Мильчевых, Ивана Лоика. Целая плеяда снайперов.

В течение укороченного сезона множество наград привозили домой наши пловцы и гимнасты, тяжелоатлеты и триатлонисты, легкоатлеты и каратисты.

Рассчитывает на олимпийскую лицензию наш боксер-тяжеловес Цотне Рогава. Этот мощный боец осенью получил неоценимый опыт, поработав в тренировочном лагере чемпиона мира среди профессионалов Александра Усика и проведя с ним серию сложных спарринг-боев. Такая школа наверняка пригодится в ближайшем будущем.

Летом и осенью, когда тренировки шли полным ходом и народ беспрепятственно передвигался по стране, в Одессе прошло огромное количество массовых соревнований по десяткам

видов спорта. Многие из них давно стали традиционными, но в нынешнем году прошли в непривычные сроки. Скажем, известная далеко за пределами страны «согга». Ее скоро уже полвека проводят накануне и в честь освобождения Одессы от фашистов. На сей раз велосипедисты, бегуны и ходоки преодолевали 100 километров по Поясу Славы осенью. Состоялись у нас полумарафонские забеги, парусные регаты, заплывы в открытом море, велогонки Одесса Гран-при, мастер-классы ведущих спортсменов по разным видам спорта для начинающих. На песочке у самой кромки моря соревновались любители пляжных видов спорта.

Кстати, игры с мячом на площадках у моря собирали множество участников и болельщиков, а наши ведущие мастера показывали прекрасные результаты. Громче всех о себе заявил дуэт юных волейболисток Софии Рыловой и Евы Сердюк, выигравших серию турниров в Украине, а потом завоевавших несколько комплектов медалей на европейских чемпионатах в разных возрастных категориях.

Осенью большой урожай медалей в чемпионатах и кубках страны собрали одесские команды регбистов. Мужские и женские. Гандбольный клуб Одесса не только стал призером первенства Украины, но и дебютировал в розыгрыше еврокубка на новой современной арене в Маяках. Уже традиционно играет в еврокубках и волейбольный Химик из Южного. Этой осенью сразу два баскетбольных клуба нашего региона сражались за призы в

престижном Финале четырех.

На закуску оставил футбольную тему. Одесский Черноморец с новым тренером Сергеем Ковальцом не перестает удивлять и радовать. На момент написания этой статьи моряки сыграли 13 туров чемпионата и уверенно лидируют. Правда, пока в первой лиге. Но и это для молодой команды отличный результат. Есть надежда, что Черноморец сможет по итогам сезона вернуться в Суперлигу и вернуть себе авторитет, завоеванный предыдущими поколениями.

Скажу о своих впечатлениях о событиях спортивной жизни города последних месяцев. Юные и опытные, начинающие и ветераны даже в период жесткого карантина, когда были закрыты все тренировочные базы, использовали любую возможность сохранить форму. Дома и в скверах, на все том же морском песочке и на Трассе здоровья люди самозабвенно делали упражнения, делились секретами тренировок в непривычном режиме. И сразу ринулись в бой, как только появилась такая возможность. Все отдавали себе отчет, что сложно строить четкие планы и выезжать на не так давно традиционные турниры. Но тренеры и спортсмены не теряют оптимизма. Берут, что все наладится. А значит – нужно быть готовым в любой момент показать свои лучшие результаты.

Мне кажется, стремление достичь поставленной цели помогает спортсменам всех рангов легче пережить непростые времена. И пусть им всем повезет в следующем сезоне!

Елена ПАВЛОВА Oceanman Odessa: Спорт смелых в Городе смелых

В сентябре Одесса стала эпицентром спортивной жизни Украины. В третий раз наш город принимал легендарные соревнования Oceanman. В акватории Одесского залива соревновались пловцы, участвующие в международном марафоне на большой открытой воде.

Первый старт состоялся в 2013 году в Испании. Сегодня соревнования Oceanman принимают десятки стран мира.

Спортсмены и любители с разным уровнем подготовки, но непременно физически выносливые плывут дистанции – от 500 метров до 10 км. Возраст участников – от 14 лет и без ограничений. Детский заплыв – от 9 до 14 лет.

В Украине проект появился благодаря Владе Шовковской, которая в 2016 году стала чемпионкой мира на дистанции Half Oceanman (5 км) в Бенидорме (Испания). Одес-

са появилась в списке принимающих городов в 2018 году.

Проект сразу привлек внимание людей из разных стран, открывших для себя новый город – Одессу и новую страну – Украину. В 2018 году в соревнованиях приняли участие 774 спортсмена из 17-ти стран мира. В 2019 – 830. А в 2020, несмотря на пандемию, в Одессе соревновались 900 человек. Все, за исключением нескольких пловцов из Беларуси, – украинцы.

Особенность украинского Oceanman – наличие благотворительного заплыва на дистанцию 1 километр. Все собранные от него средства идут конкретному человеку – на осуществление мечты. В первый год это были новая инвалидная коляска и ноутбук для мальчика Володи, во второй – средства на лечение и цикл

операций для девочки Кати. А в этом году – организаторы собирали средства на новый дом для молодой семьи – переселенцев с оккупированных территорий (мамы и двух дочек).

Город безоговорочно поддержал проект. Помогают спасатели и медики, десятки волонтеров. Команда пляжного комплекса «Причала № 1» на Ланжероне, главного партнера проекта, стала полноценным участником соревнований. Муниципальная водолазно-спасательная служба – всегда на высоте. Именно спасатели во время соревнований – на передовой, лицом к лицу с водой и пловцами.

Oceanman – красивый зрелищный проект. Зрелищный. Сотни людей приезжают к нам и оставляют в памяти радость общения с участниками и послевоксус от процесса состязаний. Это не только про спорт. Это про культуру, про туризм, про позиционирование города и страны в мире.

Влада Шовковская: Мой Oceanman Odesa

«Свою первую гонку на 5 км я помню отчетливо. Oceanman не делает лёгких трасс. Я выхожу плыть и бороться. Главное – не думать о глубине под твоим животом и о тенях, которые возникают в волнах. Тени страха, твоего личного внутреннего страха, который обязательно нужно победить. Страх есть всегда. Вдох-выдох. Не сбить дыхание, думай о хорошем. Плыви и дыши! Там на берегу тебя ждут! Очень ждут! Ты должна доплыть, не подведи их, они верят в тебя ещё сильнее, чем ты сама веришь в себя. 2016, золотая медаль, Чемпионка Мира Oceanman в своей возрастной 40-49. Много радости вокруг, невероятная концентрация счастья в одном месте. Мне 42 года и внутри мой чертёнок сказал, «риски, ты ж любишь шампанское?»»

Oceanman Odesa. Я понимала, что это будет нелегко. Но желание сделать счастливыми сотни других людей оказалось сильнее. До старта оставалось шесть месяцев, но Одесса ещё об этом не знала!

Три года подряд море закипает в сентябре в Одессе. Если вы ещё это не видели, то обязательно посмотрите. Решитесь плыть? Всегда есть место в стае и для вас. Одесса – город сильных, любящих и преданных людей, и покорить ее море сможет точно такой же. Рискуйте, оно того стоит, уж мне поверьте. Самое тяжёлое – это ждать. А я хочу вернуться плыть, чего я пока так и не сделала в Одессе. И это море, и эти волны остаются еще непокоренными мною. Но это уже история для следующего Oceanman Odesa 2021.

Нам остались его книги, эссе, изречения – его мудрость

Он выходил на сцену со своим потертым портфелем, улыбаясь уголками губ, и с лукавым прищуром глаз читал свои рукописные рассказы. Зал покатывался от смеха, зал обожал автора и часто забывал, какой на самом деле это глупый писатель. Жванецкий формировал целые смыслы жизни, он был философом нашего времени. Он помог нам жить. Какое счастье, что

нам удалось быть современниками Жванецкого, бывать на его концертах, видеть и слышать его. Цитаты из его многочисленных монологов, миниатюр, пьес и книг настолько прочно вошли в нашу жизнь, что кажется, будто бы они были всегда. Он сам вошёл в жизнь практически каждого из нас. От его искромётного юмора становилось легче на душе.

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

ВОЗДУХ ОДЕССЫ

Наш юмор добывается из воздуха и уходит в воздух.

Как пляжные звуки, крики приезжих:

«Все это надо записать» –

тоже уходит в воздух.

Значит юмор, язык, запах еды, красивые женщины –

и есть воздух этого города».

Это всё, что нужно.

С возрастом образовалась масса ненужного: гантели, запонки, одеколоны, кремы, складные ножи, инструменты, какие-то полные бутылки и, боже мой, эти телефоны, и тренажёр, и спортивный костюм.

И велосипед, и старые пластинки.

И вся музыка.

То ли это путь, то ли — память.

И даже личная жизнь в письмах, в помаде, в телеграммах, квитанциях.

И два детства — одно свое, другое сына.

Почему так много ненужного?

Я ведь живу! — Все говорят, что живу.

Комнаты лишние — кроме одной.

Раковина, душ, туалет.

Часы, телевизор, несколько книг.

Бумага, стол, кровать.

Остальное — исписанные листы.

Одежда одна.

Немного. Но чисто.

Это всё, что было нужно!

Это всё, что будет нужно.

Это всё, что нужно мне по настоящему.

Остальное всё равно потерял.

Оно теперь у кого-то.

Трудно предсказать наше будущее...

Главное — это не ошибиться!

Я будущее предсказать не мог.

Я всё время предсказывал прошлое.

И не ошибся.

Я ЗАБИРАЮ КРИК ОБРАТНО

В моей записной книжке 66-го года ноября: «Я не хочу быть стариком!.. Я не хочу быть стариком!.. Я не хочу быть стариком!..» Три крика...

Сегодня июль 2003-го. И что с того, что не хотел?

Услышал бы меня Господь...

Он точно слышал.

Он просто понял — от какого идиота... Представляю!

Я бы не сел в автомобиль, я бы сына не увидел, не посадил за стол сто человек.

Я бы моря не увидел из своего окна.

Я бы прохладу летом не включил.

Не знал компьютера.

И не узнал свободы.

И не увидел проводы трех парней в Москве.

То главное, что видел в жизни.

Я не прочел бы Оруэлла, Ницше, Пруста.

Себя бы не прочел...

Что делать? За продолжение жизни мы платим старостью. За старость платим смертью...

Кто виноват, что все так дорого?

За право повидать, как взрослым станет сын, услышать, что он скажет, я должен был болеть, лечиться, кашлять. Но я обязан был увидеть другую жизнь.

Отели, яхты, переполненные магазины.

Автомобили, лезущие друг на друга, японский рыбный рынок, греческие острова — как бы увидел, если бы не постарел?

Я много дал. Я дорого купил.

Я заплатил годами, силой, остроумием.

Женщинами.

Красотой ранней смерти, столь любимой у нас в стране.

Я выбрал путь труднее.

Я старел, седел, ушел из ежедневного употребления, из популярности.

Я отдал все, чтоб только посмотреть: газеты, спонсоры, помады, памперсы, суды присяжных...

Пришел, увидел, посмотрел...

А этот вопль: «Я не хочу быть стариком»?!

Ну что же, стой в очередях советской власти, ищи еду, лекарства. Отсиди за анекдот...

Ты был на минном поле. Ты проскочил. Всё позади.

О Господи! Прости. На самом деле, извини.

Я серьезно — прости!

Я забираю крик обратно.

Я прошу там наверху не обижаться. Дай мне обратно! Дай сюда!

Есть разница. Тогда я был специалистом. С той жизнью мы на равных. И кто кого когда имел...

Сейчас смотрю, пишу, перемещаюсь, но не лезу в жизнь.

Поглаживаю по головке тех идиотов, кричащих моим голосом: «Я не хочу быть стариком!»

Т-с-с... Успокойся. И не надо.

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

И после того, как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи:

Что спать на воздухе лучше.

Что жить среди зелени лучше.

Что надо поднять упавшего.

Что надо впустить в дом переночевать.

Что надо угостить каждого, кто вошел.

Что надо принести, если попросят.

Что надо заплатить первым.

Что надо сварить бульон для больного, даже чужого.

Что надо не раздражаться на раздражение.

Землю надо любить. Воду надо любить.

Чистый воздух надо любить.

Детей надо захотеть.

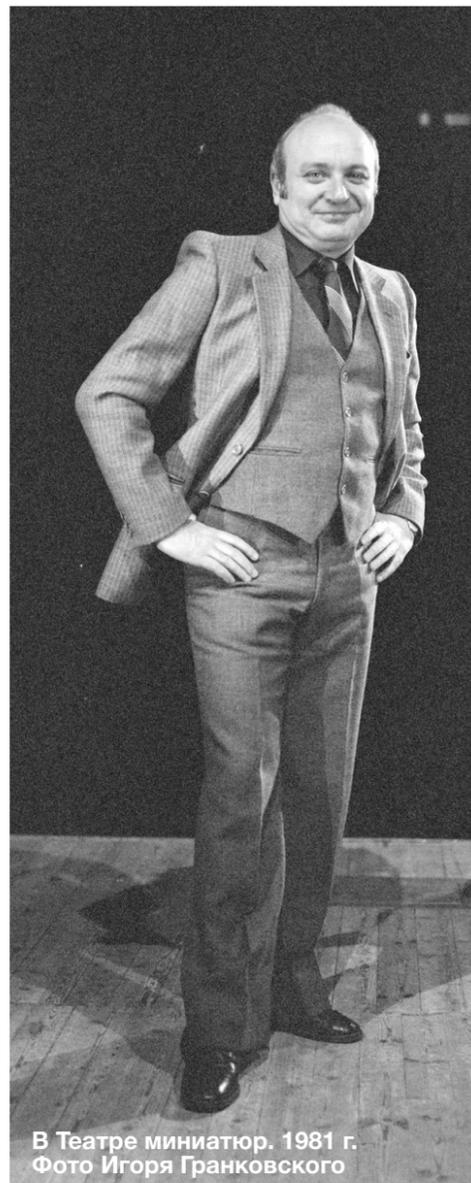
Бросить все лишнее. Выбросить хлам.

Остаться с одной женщиной.

Смеяться, если смешно. Громко.

Плакать, если больно. Тихо.

Оскорбить может только плохой человек. Хороший уйдет от твоей обиды.

В Театре миниатюр. 1981 г.
Фото Игоря Гранковского

люди, в сто раз умнее, в тысячу талантливее, красивее, трудолюбивее — покойники.

И вроде бы ничуть об этом не жалуют.

Разве они стремятся сюда?..

Вот в это, извините, время?..

Вот к этим, извините, людям.

Вот в эту, извините, жизнь.

Кому сегодня это нужно?

И им сюда не надо...

И нам отсюда не попасть туда.

И как легко читаешь их с восторгом.

Уже вся ночь... Еще чуть-чуть, еще чуть-чуть...

И вдруг...

Господи, так он же умер! Кто написал.

А спасти?

Теперь-то, может быть, спасли бы...

А надо?

Чтоб он еще что-то сказал?

Он бы не захотел.

В такое время или умереть, или молчать.

Вот что случилось.

Они уже прошли через вот это, о чем я.

Вот почему они так зазвучали.

И музыка, и краски, и слова.

Через эту смерть пройди — и ты в порядке.

И сразу как все просто.

И нынешние, и молодежь, все начинающая и начинающая и дышащая возбуждением.

Да ладно вам!

Вот инструмент...

Вот стол...

Садитесь!

Ты весь в очках, в компьютерах, в парнях.

Подумаешь, секреты...

Через смерть пройдешь, и все поймешь, и все узнаешь, и все не страшно, и ты поймешь и ахнешь.

Так все же умерли — и ничего. Живут!

А смерть — так просто перерыв!

Основатель газеты **Евгений ГОЛУБОВСКИЙ**

Редактор
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ
Верстка
Полина КУЧИЕРСКАЯ

Фото **Б. Бухмана** и **А. Синельникова**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Регистрационное
свидетельство № 508.
Тираж 500 экз.
Заказ №.
Газета отпечатана
в типографии «Черноморье».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,

www.odessitclub.org